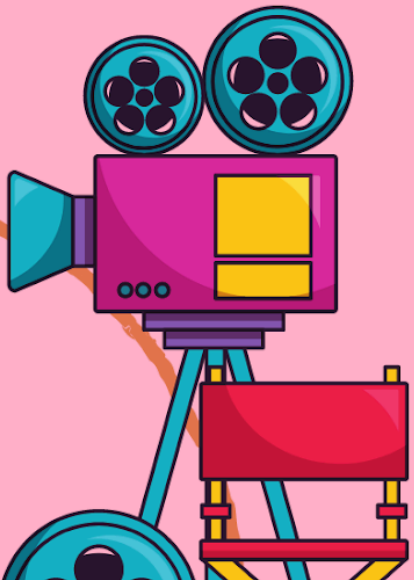
РАБОЧАЯ ТЕТРАДЬ

КИНОФИЛОСОФИЯ

А.И. Полякова

Тетрадь по кинопедагогике

Привет!Я надеюсь, что ты любишь фильмы также сильно, как и я! Давай вместе попробуем проанализировать фильм, для этого я и Антонина Игоревна подготовили тебе рабочую тетрадь.

В этой тетради ты сможешь произвести свой УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ анализ фильма и найти в нем глубокий философский смысл.

<u>Из чего состоит данная тетрадь:</u>

- Описание того, как стоит анализировать фильмы.
- Вопросы для заполнения по сюжету фильма.
- Философский текст к фильму.
- Описание творческого задания
- Общение по интересам
- Твое личное мнение

Вводная часть. Знакомство.

У всех у нас разный опыт просмотра и интерпретации кинофильмов. Расскажи мне немного о себе, что ты любишь смотреть, что тебя увлекает в просмотре, какие знания и выводы ты выносишь из фильмов. А может у тебя есть фильм, который изменил твою жизнь? Вот я люблю «Ну, погоди!», приятно осознавать, что зайцы могут быть умнее и проворнее волков, в этом вся моя философия, если ты маленький и ушастый, это не значит, что ты не можешь одолеть силу тебя превосходящую.

_____

_____

_____

_____

_____

Как анализировать фильмы?

Шаг 1. Только общие сведения. Если вы никогда ранее не смотрели фильм, который собираетесь анализировать, то **НЕ НУЖНО** заранее собирать всю доступную информацию. Пусть именно фильм произведет на вас впечатление, а не чужое мнение о нем. Достаточно знать лишь наиболее общие детали, а все остальное лучше почерпнуть из самого фильма.

- Сведения, которые следует узнать заранее: год и страна производства фильма, название киностудии, имена режиссера, актеров и сценаристов.
- Постарайтесь **НЕ ЧИТАТЬ ОБЗОРЫ ИЛИ ПОДРОБНОСТИ СЮЖЕТА**, чтобы просмотр был не предвзятым. Даже трейлер может натолкнуть вас на определенные выводы.

Шаг 2. Смотрите фильм без посторонних (или со спокойным другом). Нужно полностью сосредоточиться на фильме, чтобы сделать хороший анализ, поэтому лучше смотреть без отвлекающих факторов. Некоторым людям неловко ходить в кинотеатр в одиночку, но может оказаться, что это достаточно удобно и позволяет лучше сосредоточиться на важных деталях.

- Если вы никак не хотите идти одни, то возьмите с собой вдумчивого друга. Шутники и непоседы будут постоянно отвлекать вас от фильма.

Шаг 3. Посмотрите фильм за один присест. В отличие от телесериалов, фильмы нужно сразу смотреть **ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ.** Если прервать просмотр, чтобы сделать бутерброд или сходить в магазин, то вы рискуете упустить эмоции, которые вкладывают в фильм создатели. Сидите спокойно и старайтесь не нажимать на паузу.

Шаг 4. Делайте записи. Если вы смотрите фильм не в темном кинотеатре, то **МОЖНО ЗАПИСАТЬ НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ НАБЛЮДЕНИЙ** в процессе просмотра. Важно продолжать следить за фильмом, а не за своими записями, поэтому не нужно браться за глубокий анализ во время сеанса. Это можно сделать позже! Не ставьте фильм на паузу. Детали, которые стоит записать, особенно если они привлекли ваше внимание:

- *Основные повороты сюжета.*
- *Важные или повторяющиеся строки.*
- *Наиболее примечательные кадры.*

Шаг 5. Запишите все свои мысли после просмотра. Запишите все, что отложилось у вас в голове или же показалось важным в тот момент, когда начались финальные титры и ваше сознание еще остается на волне фильма. Ваши мысли все еще сумбурны и не разложены по полочкам, поэтому достаточно **ЗАПИСАТЬ ИНТЕРЕСНЫЕ МОМЕНТЫ ИЛИ**

ДЕТАЛИ, которые намеренно подчеркнули создатели фильма. Если у вас не хватает идей, то подумайте о следующем:

- *Как в фильме используются различные цвета и оттенки?*
- *Картина смонтирована плавно или резко и хаотично?*
- *Какие персонажи или предметы могли символизировать или олицетворять важные аспекты?*

Шаг 6. Через время вернитесь к своим мыслям. Спустя день перечитайте записи, сделанные вовремя и после завершения фильма. Обдумайте, насколько важными оказались подмеченные вами детали фильма от темы самопожертвования до факта, что шляпы носили только отрицательные персонажи. Если вам удалось определить темы, которые кажутся наиболее важными, то можно приступать к анализу и оценке отдельных аспектов фильма.

Шаг 7. Исследуйте информацию о создании фильма. Каждая картина включает как минимум две истории: сюжет и историю создания фильма. На съемки фильмов уходит много времени, усилий и финансовых средств. **ИЗУЧИТЕ ИСТОРИЮ СОЗДАНИЯ ФИЛЬМА**, чтобы глубже понять его суть и отдельные аспекты.

- *Существуют ли какие-то легенды о создании фильма?* Например, *Волшебник страны Оз* окутан множеством городских легенд. Даже если легенды выдуманы, они способны многое рассказать о загадках или поклонниках фильма.
- *Создатели хотели рассказать в фильме о современных политических или культурных событиях?* Например, картина *Доктор Стрейнджлав*, снятая в 1960-х годах, высмеивала Холодную войну, в которую были втянуты СССР и США.
- *Фильм основан на реальных событиях, вымысле или сочетает в себе оба варианта?* Например, мини-сериал *Корни* 1977 года рассказывает об истории семьи писателя Алекса Хейли. Несмотря на изображение реальных лиц и событий, история дополняется вымышленными персонажами и ситуациями.

Шаг 8. Обдумайте сюжетную линию. Фильмы – это способ повествования, поэтому успех фильма всегда зависит от развития сюжета. Оцените темп повествования. Он может быть прерывистым или ровным. Отмечайте важные повороты сюжета.

- Если вы хотите оценить структуру, то запишите все основные события ленты по памяти. Если вы вспомните их упорядоченно, то это хороший знак.
- Большинство сюжетов следуют установленному порядку: знакомство, новая ситуация, развитие, повышение ставок, финальный рывок, развязка.

Шаг 9. Рассмотрите сценарий. Сценарий поддерживает развитие сюжета, поэтому фильм с грамотным повествованием обычно имеет хороший сценарий. Оцените, насколько сценарий позволяет узнать всю необходимую информацию. Составьте список значимых цитат или фраз.

- *Диалоги звучат правдоподобно и похожи на беседы реальных людей? Даже если действие фильма разворачивается в прошлом, сценаристы не должны сбивать зрителя с толку старой грамматикой.*
- *Оцените уровень и уместность шуток (это легко сделать в кинотеатре, ориентируясь на смех зрителей).*
- *Обратите внимание на ситуации без диалогов. Иногда они звучат громче слов.*

Шаг 10. Актерская игра. Вспомните персонажей фильма. Насколько они правдоподобны? Нужно оценивать не то, насколько вам понравится персонаж, а насколько актерская игра позволила вам поверить, что такой человек мог бы реально существовать. Также обратите внимание на актеров в кадре. Если актер не позволяет вам отвлечься ни на секунду, то он хорошо справляется со своей задачей.

- *Оцените акцент и тембр голоса актеров. Такие аспекты сообщают дополнительные сведения или только отвлекают от сюжета?*
- *Проследите за языком жестов и мимикой актеров.*

Шаг 11. Освещение и операторская работа. В ужастиках для аутентичности часто используется эффект трясущейся камеры и приглушенный свет. В блокбастерах нередко отдается предпочтение яркому свету и плавной смене кадров, чтобы актеры выглядели безупречно. Постарайтесь определить настроение каждой сцены и оценить, насколько это является заслугой оператора и осветителей. Большое значение имеет угол съемки: так режиссер показывает, с какой позиции мы должны увидеть конкретную сцену. Камера позволяет смотреть на людей сверху вниз или подглядывать из-за угла?

Шаг 12. Звуковое сопровождение. Музыка в фильмах позволяет любому человеку познакомиться и понять самые разные, даже оркестровые композиции! Оцените громкость, настроение и влияние звуковой дорожки на восприятие сюжета. Хороший саундтрек помогает глубже погрузиться в настроение фильма и даже способствует развитию сюжета. Музыка не должна отвлекать.

Вопросы по фильму

1. Название фильма, год выпуска, режиссер, главные актеры, жанр фильма, награды и общественное признание, страна, киностудия

_____
_____
_____
_____
_____
_____

2. Опишите сюжет фильма. Как развивается сюжет (постройте логическую цепочку).

3. Опишите символы в фильме, что они значат. Как помогают для описания настроения в фильме?

_____
_____
_____
_____
_____
_____

4. Как вы полагаете, какую идею хотел донести режиссер для зрителя?

_____
_____

5. Оцените, как меняются главные герои. С чем связано их изменение? Как в диалогах это можно заметить?

6.Есть ли кадры без диалогов, которые несут смысл. Благодаря чему это происходит. Какие мысли это у вас вызывает?

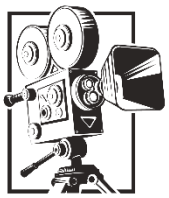
7. Поговорим об актерах. Что использует актер для демонстрации качеств своего героя? Как он демонстрирует изменения героя?

8. Оцените операторскую работу. Как зависят планы съемки от сюжета?

9. Как связано музыкальное сопровождение от сюжета фильма? Какие чувства у вас вызывает музыка в фильме?

_____
_____
_____
_____

10. Приведите цитаты из фильма, которые на ваш взгляд отражают суть повествования.

_____
_____
_____
_____

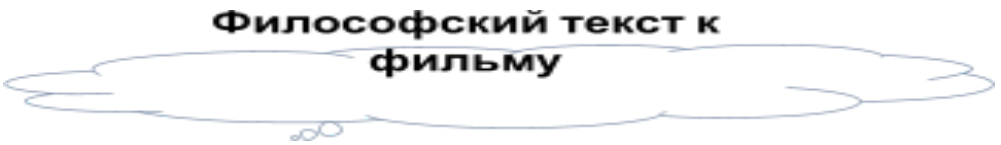
11. Проанализируйте философский текст и фильм по следующим параметрам:

А) анализ философского текста, его главная мысль, позиция философа, согласны ли вы с данной позицией.

Б) можно ли сказать, что позиция философа и идея режиссера фильма схожи. Обоснуйте свою позицию.

В) как вы считаете можно позицию философа подкрепить просмотром данного фильма?

Г) расскажите о вашем философе (его биография, период творчества, научное течение, к которому он придерживался).

ФИЛЬМ «ОБЩЕСТВО МЕРТВЫХ ПОЭТОВ»

Владимир Спиридонов
доктор психологических наук, факультет психологии ИОН РАНХиГС

В процессе социализации происходят вещи, которых мы не можем избежать. Лет 140 назад великий социолог Эмиль Дюркгейм ввёл понятие социального факта — явлений, которые обрушиваются на любого представителя любого общества в обязательном порядке. Попробуйте увернуться, скажем, от знания родного языка. Попробуйте, лёжа в колыбели, что-то предпринять, чтобы не начать на нём говорить. Сюда же относятся семейные ценности, верования, правила и так далее. То есть социализация предполагает ряд вещей, которые с индивидом неизбежно происходят. С другой стороны, она предполагает и ряд вещей, которые будут отличать этого индивида от других: индивидуальные различия — это не следствие дурной или недостаточной социализированности.

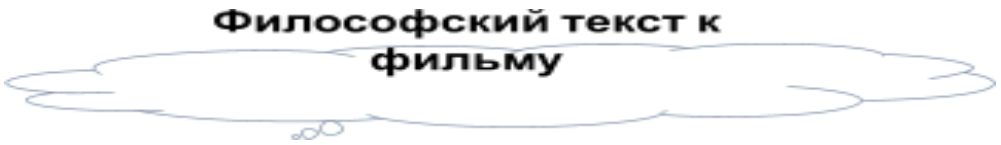
Исследования, посвящённые развитию личности, говорят, что стремление отличиться — довольно универсальная для человека вещь, и, несмотря на большое количество паттернов «похожести» (в поведении, одежде, способах коммуникации), общество также требует и даже порой принуждает индивида к выработке отличий. Механизмы социализации предполагают, таким образом, то, что в былые времена назвали бы «диалектикой». «Типовая личность» — это оксюморон.

Если же мы говорим о сознательном выборе — когда из нескольких альтернатив мы выбираем ту, что в большей степени отличит нас от окружающих, или наоборот, — то речь идёт о значительно более позднем возрастном периоде. С человеком многое должно произойти (например, в нашей культуре он должен пережить подростковый кризис). Личностью не рождаются, а становятся — она развивается в течение всей жизни под влиянием множества факторов, и говорить об изначальной предрасположенности того или иного человека к конформному или неконформному поведению очень сложно.

Оказалось, что люди могут испытывать и влияние меньшинства. Это влияние оказывается совсем иным: способствующим гибкости в оценках и нестандартному подходу к решению задач

Маргинальность же с точки зрения психологии интерпретировать скучно, поскольку это понятие — только набор оценок относительно способов поведения или каких-то занятий и убеждений, которые той или иной группой (большинством) считаются «центральными» (правильными) или, наоборот, «краевыми» (маргинальными). Общество всякий раз ищет способы, как ему бороться с человеческой стихией, и всякий раз эта стихия находит возможность прорваться. Я, честно говоря, не вижу причин, по которым общество было бы заинтересовано в окончательной победе над разнообразием. При этом в психологии существует представление о пограничных состояниях — когда человек является носителем определённых проблем, но их степень не достигает уровня выраженной

патологии. Такие люди, находясь на грани нормы, вполне могут быть прекрасно интегрированы в общественную жизнь.
Принудительная сила авторитета может быть невероятно мощной. Начиная с 1950-х годов психологи во главе с Соломоном Эшем изучали феномен, который получил название «групповое давление». Поставленные тогда эксперименты оказались очень интересны: среди ряда «подсадных уток» находится реальный испытуемый, всем им задают один и тот же вопрос, и все, сговорившись, отвечают на вопрос каким-нибудь очевидно неправильным образом (скажем, какая из двух линий длиннее). Когда после подсадных уток очередь доходит до испытуемого, все с интересом ждут, как же ответит он. Доказано, что групповое давление — мощнейшая нормирующая процедура. Цифры неутешительны: от 50 до 75 % испытуемых говорят то же самое, что до них сказало большинство. Есть и контрмеханизмы, они куда менее сильны. В любой группе, помимо большинства, есть и меньшинство. Оказалось, что люди могут испытывать и влияние меньшинства. Это влияние оказывается совсем иным: способствующим гибкости в оценках и нестандартному подходу к решению задач. Творчество и неконформность (только не надо их путать) я бы интерпретировал как результат одной и той же стратегии — отринуть заданные рамки (или вступить с ними в игру) и действовать самостоятельно. В каком-то смысле вдумчивый подход к выбору норм и рамок — это показатель взрослости, когда ограничения осознаются и принимаются (или отбрасываются как ненужные).
К сожалению, не выявлено личностных характеристик или других устойчивых предикторов, по которым мы могли бы заранее сделать вывод о подверженности групповому давлению — самые разные люди с самыми разными чертами могут быть одинаково чувствительны к нему.

ФИЛЬМ «ШОУ ТРУМАНА»

Общество комфорта и философия риска
Хорхе Анхель Ливрага

Лекция
Делия С. Гусман (ДСГ): Я хочу представить вам профессора Хорхе Анхеля Ливрагу, который будет сегодня читать лекцию. Тема "Общество комфорта и теория риска" объединяет ряд идей, касающихся проблем человека в современном мире. Разумно было бы начать с объяснения того, что понимается под обществом комфорта и в какой степени оно полезно для общечеловеческого развития.
Хорхе А. Ливрага (ХАЛ): Очевидно, что общество комфорта, стремление к удобству в физической и экономической сферах, к легкости социальных отношений, к порядку в политике и т. д., - все это столь же старо, как и само человечество. Я думаю, что человек всегда стремился к комфорту, начиная с пещерного жителя, который пользовался каменным топором и которого современная наука считает нашим предком (в отличие от древних традиций Востока и Запада, утверждающих, что мы являемся наследниками других цивилизаций, следы которых теряются в глубинах времен). Человек всегда хотел окружить себя чем-то, что сделало бы его жизнь более легкой и приятной.
То, что мы сегодня называем обществом комфорта, представляет собой, скорее, совокупность чрезмерно раздутых естественных человеческих потребностей. Для примера представим, что каждый из присутствующих держит в руках камень. Если я положу свой камень посреди зала, то он никому не помешает, но если это сделают все, то получится целая гора, которая будет мешать всем. Иначе говоря, индивидуальные стремления к

комфорту, суммируясь, образуют общество комфорта, сложный механизм, который начинает давить на всех. В таком обществе уже не средства используются для удобства человека, а наоборот, человек становится заложником этих средств. С каждым днем их становится все больше, они все сильнее давят на личность, подчиняя себе психологию масс.

К примеру, начинается хорошо продуманная рекламная кампания цветных телевизоров. Конечно, цветной телевизор лучше черно-белого, но средства массовой информации раздувают этот факт до невероятных масштабов. Начинается прессинг, который, разумеется, финансируется компаниями-производителями телевизоров. И нас всеми силами стараются убедить, что именно наличие цветного телевизора определяет статус человека, что без цветного телевизора нельзя идти в ногу со временем, что без него жизнь вообще немыслима. Потом нас убеждают, что невозможно жить без кондиционера, и так до бесконечности…Но мы же прекрасно знаем, что ни наши деды, ни великие философы, художники, политики, драматурги, поэты, которыми мы восхищаемся, не имели ни телевизоров, ни кондиционеров. Ни Сервантес, ни Шекспир не знали этих атрибутов комфорта и, тем не менее, создали произведения, которые вдохновляют тысячи людей. Я хочу сказать, что общество комфорта затуманивает наш разум, навязывает нам ложные потребности, убеждает нас в том, что нам жизненно необходимы какие-то предметы, преувеличивая их ценность. Эти ложные потребности подавляют человека, лишает его возможности выбора, лишают независимости; нас несет поток мнений - часто весьма сомнительного происхождения. У нас отнимают право на нашу долю внутренней свободы. И я имею в виду не какую-то абстрактную свободу, а нашу личную и персональную свободу пользоваться тем, чем мы предпочитаем пользоваться, и жить так, как мы хотим.

Например, мне больше нравятся черные машины, но их, как правило, используют организации в служебных целях. Поэтому, покупая машину, я автоматически говорю: "Мне, пожалуйста, кремового цвета". Или, допустим, в жаркую погоду мне захотелось лимонада, но если в ресторане гостиницы я его закажу, на меня посмотрят с недоумением. Поэтому я автоматически прошу виски со льдом: это престижно, это означает определенный статус. Так мы теряем остатки свободы, той свободы, которая лежит в основе счастья.

· ДСГ: Вы указали на парадоксы, которые всегда возникают в случае излишнего стремления к комфорту. Примеры ясно показывают, как мы становимся пленниками собственных потребностей - вполне естественных, но доведенных до крайности. Но возникает вопрос: является ли проблема комфорта сугубо материальной? Можно ли свести стремление к обеспеченности, уюту, удобству только лишь к материальной стороне жизни?

ХАЛ: Думаю, нет. Мне кажется, что потребность в комфорте имеет психологическую природу или, лучше сказать, психосоматическую, то есть и физическую, и психологическую. Но нужно отметить, что есть и духовный комфорт, и бывает, что, стремясь к материальному и психологическому удобству, мы отказываемся от комфорта духовного.

Предположим, нам нужно снять квартиру. Мы настолько поглощены материальным, конкретным и приземленным, что первое, на что мы обращаем внимание при выборе квартиры, - это место, где мы будем есть, и место, где мы будем спать. Возможно, мы озаботимся также и местом, где удобно читать или слушать музыку, но все же не в первую очередь. То есть во имя физического комфорта мы пожертвуем комфортом духовным, гораздо более тонким.

Вот так наше общество комфорта, базирующееся только на материальных интересах и биологических потребностях нашего тела, подчас лишает нас того, что необходимо для души. И думаю, что именно это заставляет нас чувствовать себя несчастными.

ДСГ: Вы уже сказали в общих чертах о том, что думаете о комфорте и об опасностях, которые в нем таятся. Но в названии темы нашей беседы есть и другая часть, важная, но

менее обсуждаемая и менее знакомая. Расскажите, пожалуйста, что такое философия риска и в чем она состоит.

ХАЛ: Очевидно, что все люди, которые что-то совершили, - рисковали. Вспомним Колумба или других первооткрывателей, вспомним изобретателей и исследователей, воинов и полководцев, философов и ученых. Но давайте к этому списку добавим и обычных людей - ведь каждый, кто в своей жизни что-либо сделал, должен был так или иначе рисковать. Наши деды говорили: "Кто не рискует, тот не выигрывает", а сегодня к этому часто добавляют: "Да, но и ничего не теряет". Но что это за жизнь, когда мы ничего не приобретаем и ничего не теряем? А чтобы обрести что-то новое, мы должны рисковать. Теория, а лучше сказать гипотеза, согласно которой нам следует довольствоваться покоем и уютной жизнью, катастрофически нас ограничивает. А мы должны всегда быть внутренне готовы к новым делам, к осуществлению новых замыслов, готовы идти навстречу новым приключениям, сделать еще один шаг вперед. В этом есть красота, развитие, выход за пределы - внутренние и внешние.

Если мы видим на горизонте дерево, то чтобы различить за ним новые горизонты, нужно дойти до него и пройти дальше. Если у нас есть какая-то идея, которую можно осуществить, надо попытаться это сделать, чтобы узнать, какие она даст результаты на практике. Если мы считаем, что какой-то человек интересен, нужно осмелиться познакомиться с ним, чтобы проверить это. Допустим, наши ожидания не оправдаются, но тогда мы немного потеряем, а если наоборот - возможно, мы найдем друга, создадим узы с человеком, у которого можем многому научиться и который сможет чему-то научиться у нас.

Эта философия риска, позиция риска - которую мы во многом отождествляем с нашей, акропольской, - по сути есть позиция внутреннего боевого духа, стремления прилагать усилия во всем, что мы делаем, способности сделать еще один шаг, которого мы бы не совершили, если бы руководствовались потребностью в комфорте. Если соображения комфорта предлагают нам сделать нечто на "четверку", надо пытаться сделать это на "пятерку". Стремление требовать от себя большего связано с риском, но риск открывает нам архетипы созидания, новые горизонты, новые контакты. Это стремление каким-то алхимическим образом возобновляет в нас внутренние силы, рождая в нас новый тип личности - человека, который не боится встретиться с трудностями и искать новые решения; человека, способного написать поэму, о которой когда-то мечтал, сочинить музыку, которую когда-то хотел сочинить, протянуть руку тому, кого когда-то боялся, пройти путь, казавшийся очень трудным; человека, который способен что-то делать всегда, в любой момент своей жизни.

Я хотел бы отметить, что для материализма, в который погружено наше общество комфорта, характерен целый ряд правил, ограничивающих человека, в том числе и касающихся возраста. Часто можно услышать: "Не странно ли, что имярек, которому уже сорок (пятьдесят, шестьдесят…), начал учить английский (играть на скрипке, заниматься скульптурой…)?" Но разве нечто внутри нас, что хочет чему-то учиться, имеет возраст? Разве возраст человека определяется сединой? Разве человек в пятьдесят или шестьдесят не может захотеть что-то изучать или учиться играть на скрипке?

Способность смотреть на жизнь по-другому, свежим взглядом - вот форма действия, предлагаемая "Новым Акрополем". Она помогает, опираясь на наши возможности, преодолевать собственные физические и психологические ограничения, преодолевать общепринятые мнения, диктующие, что и когда надо делать. Если принято считать, что все молодые люди должны интересоваться футболом или корридой, как быть тому, кого не интересует ни то, ни другое? Разве такой юноша должен себя чувствовать изгоем или ошибкой природы из-за того, что ему нравится какая-то другая форма выражения, будь то искусство, спорт или философия? И ему необходимо рисковать и совершать поступки, чтобы делать то, к чему лежит сердце.

Отсюда следует необходимость "неоиндивидуализма" - нового типа индивидуализма, который не отвергает общества, не отвергает других людей, а позволяет всем удовлетворять свои стремления и желания, но при этом существовать во взаимном уважении и гармонии. Но будем осторожны, поскольку здесь есть естественные ограничения: к примеру, желание уничтожить одну из этих статуй будет проявлением инстинкта разрушения и вандализма. Я говорю о делах добрых и благородных. И если мы хотим сделать нечто, что не принесет вреда и разрушения, то нельзя жертвовать своими намерениями только из-за соглашательства с окружающим миром. На самом деле не возраст говорит о старости человека; состариться, дорогие друзья, - значит предать, принести в жертву свои мечты, свои надежды. Если это происходит, даже молодой по возрасту человек становится стариком. Мы не должны отказываться от своих мечтаний и надежд, надо пытаться осуществить их здесь и сейчас, прилагая все свои силы и при этом не обижая и не раня никого. Однако, уважая свободу других людей, нам нужно уважать и свою собственную свободу, данную нам от природы.

ДСГ: После того, как мы поговорили и о комфорте, и о риске, возникает следующий вопрос. Обычно эти понятия воспринимаются как противоположности, и дошло до того, что избыточный комфорт и философски понимаемый риск стали непримиримы. Но действительно ли это так, или можно сочетать разумную долю комфорта с разумной долей риска?

ХАЛ: Да, это возможно, и именно так, как сформулировано в вопросе: сочетать комфорт и риск в разумной степени. Очевидно, что, посвятив себя поиску комфорта, мы не оставляем места риску, и наоборот, если мы только рискуем, то не оставляем места комфорту. Думая только о комфорте и не давая себе возможности рискнуть, мы утрачиваем духовность, творчество и внутреннюю силу. Выбрав риск и полностью забыв о комфорте, мы делаем нашу жизнь слишком суровой и аскетичной, а большинство из нас к этому не готово. Многих привлекает монашеская жизнь, но не многие ее выдерживают, поскольку имеют искаженное о ней представление. Думаю, что нужно иметь здравый смысл, способность распознавать, чтобы суметь выбрать то, что обеспечивает необходимый комфорт и необходимый риск.

Очевидно, что у каждого из нас есть своя мера по отношению и к тому, и к другому. Может статься, что комфортное для меня не является комфортным для вас, а рискованное для меня будет для вас совершенно обыденным. Следовательно, в этом вопросе лучше не впадать в догматизм и каждому предоставить право свободно определять самому, что для него будет комфортом, а что - риском. Солнце светит всем, но каждый получает от него то, в чем нуждается или что захотел воспринять. Поэтому необходимо здоровое равновесие между комфортом тела и комфортом души. Всем надо одеваться, питаться, принимать лекарства в случае болезни, но ведь кроме этого нужна и духовная жизнь, немного мистическая, нужны книги, музыка - все то, что обеспечивает комфорт души. Комфорт и риск могут сосуществовать всегда, если они сочетаются в разумных дозах.

ДСГ: То, что Вы рассказываете о теории риска, несложно понять, потому что всем нам приходилось ради чего-то рисковать. Но не считаете ли Вы, что этот риск, это стремление "немного дальше" рождает чувство нестабильности? Разве человек, который постоянно находится в движении, в действии, не будет испытывать неуверенности?

ХАЛ: Да, очевидно, что он будет испытывать неуверенность, но я думаю, что это чувство по своей сути является стимулом для того, чтобы продолжать движение по пути.

Есть вещи, которые мы делаем ежедневно, - например, ходим. Но если мы не изучали анатомию или медицину, то плохо представляем, каким образом происходит этот процесс. Ходить очень легко: мы поднимаем ногу, и наше тело оказывается в состоянии неустойчивости, неравновесия; затем мы ставим ногу на землю и поднимаем другую, снова приходя в состояние неравновесия, чтобы найти новую точку опоры. Иначе говоря, человек ходит благодаря состояниям неравновесия. Невозможно идти и одновременно оставаться в равновесии. Чтобы передвигаться, тело должно покидать состояние

стабильности, проходить через циклы неравновесия и равновесия; благодаря этому мы и ходим.
Думаю, что в духовной сфере происходит то же самое. Иногда необходимо выходить из состояния равновесия, чем-то рисковать, устремляться вперед, чтобы обрести новую опору, а потом следующую, и так далее…Я думаю, что состояние неравновесия естественно, оно рождает внутри нас ощущение движения и приучает нас к этому, создавая "равновесие неравновесия". Это похоже на езду на велосипеде: мы хорошо знаем, что на повороте, согласно законам физики, нужно наклониться, чтобы не упасть. Некоторые вещи совершаются нами автоматически, но, наблюдая за ними, мы можем извлечь определенные уроки. Думаю, что, исследуя творения природы, философ может научиться многому из того, о чем не прочтет в книгах, - например, как функционирует наше тело или как все в природе движется.
Земля тоже вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца именно потому, что не находится в состоянии равновесия. Одно из таинств геометрии тел - это отношение между диаметром и длиной окружности, между диаметром и площадью сферы, которое помогает нам понять принципы движения тел в пространстве. Они движутся в пространстве, поскольку не находятся в состоянии совершенного равновесия. Наш организм постоянно усваивает и выделяет определенные элементы, и это неравновесие позволяет нам жить. Сама жизнь есть постоянство неравновесия - понятно, что речь идет о неравновесии, уравновешенном внутри великого неравновесия.
Поэтому мы должны более глубоко понять взаимосвязь, существующую между равновесием и неравновесием внутри великого цикла, включающего в себя все неравновесия. Думаю, что человек может нормально и естественно жить с чувством риска, не испытывая при этом смятение и тоску. Хотя, возможно, немного смятения нам не помешает - ведь иначе как жить, если в жизни не присутствуют в разумной мере и беспокойство, и радость, и удовольствие, и разочарование? Мы же сделаны не из камня и не из дерева, и время от времени нам необходимо испытывать неудовлетворение, благодаря которому в нас рождается сила для чего-то нового, а иногда необходимо испытывать удовлетворение, чтобы убедиться в правильности того, что мы делаем.
ДСГ: Значит, философию риска можно понимать как средство, а полную гармонию - как конечную цель? Иначе говоря, риск - это лишь форма достижения чего-то?
ХАЛ: Да, риск - это форма, метод, ибо, в конце концов, чем мы рискуем?
ДСГ: Этот вопрос задавали многие философы. И в самом деле, чем мы рискуем?
ХАЛ: Очевидно, что мы рискуем тем, что уже имеем. Мы не можем рисковать тем, чего у нас нет. Но мы не должны рисковать всем, что имеем, тут надо быть достаточно разумным. Извините, что вновь обращусь к тому же примеру, но думаю, это будет полезно: если, желая сделать шаг, я подниму ногу, то неравновесие, в котором я окажусь, приведет меня к новому равновесию. Но если я при этом буду двигаться слишком быстро, то толкну того, кто находится рядом. Иначе говоря, нужно быть очень внимательным и разумным. Есть такое выражение: "куда дотянется рука". Вот в чем разумность: если я знаю "длину своих рук", то знаю, что/ смогу с их помощью сделать, куда смогу "дотянуться".
Каждый должен начать познавать себя, чтобы узнать, насколько он способен к риску. Я думаю, что этому можно научиться так же, как мы научились ходить. Когда ребенок делает первые шаги, ему надо помогать и вести за ручку. Не бывает так, чтобы малыш просто встал и пошел. Вначале он ступает неуверенно, держится за мебель, за наши руки, потому что еще не уловил того состояния неравновесия, которое позволяет ходить.
Мы должны действовать точно так же: стараться делать маленькие шаги. И если философское начало заложено в нас от природы, то философская школа может оказаться для нас очень полезной. Здесь, перенимая опыт великих философов древности, мы усваиваем правила, нормы, подсказывающие нам, где таится опасность. Подобно тому, как малыш, который держится за маму или за дедушку, увереннее делает первые шаги, мы,

держась за руку Платона или Сократа, Христа или Будды, опираясь на них, прислушиваясь к тому, что они советовали, сможем увереннее идти по жизни. Иногда одна фраза из их учений может помочь нам решить свои внутренние проблемы или объяснить что-то. Следовательно, необходимо прилагать собственные усилия и в то же время знать, на кого можно опереться, чтобы продолжить путь.

ДСГ: Исследуя тему риска, тему чрезвычайно захватывающую, мы встречаем людей, которые рискуют в гораздо большей степени, чем другие; они подвергают себя очень, очень большим опасностям. Видя это, невольно задаешь себе вопрос: а является ли их риск героизмом исключительной личности? Или же это попытка психологического бегства: человек чувствует себя неуютно в мире и поэтому стремится убежать куда-то, чтобы не откликаться на его соблазны?

ХАЛ: Согласно нашей акропольской точке зрения, которую я бы назвал духовно позитивной, в каждом человеке, который идет на риск, есть нечто от героя, есть зерно героического. Даже в самых простых случаях, когда человек, например, ходит по канату в цирке, чтобы заработать себе на жизнь. Ведь этот человек мог бы работать в другом месте, где не нужно ничем рисковать, почему же он работает здесь? Возможно, речь идет о какой-то форме психологического бегства или об инстинкте саморазрушения, который в той или иной степени присущ всем. Однако во всем этом присутствует и поиск своей доли славы. Все мы нуждаемся в малой толике славы.

Думаю, что было бы хорошо возродить у молодежи культ героя. Знаю, что сегодня, в эпоху разрушения всех мифов, это может показаться странным, но рискну оказаться непонятым и сказать, что верю в героев. Рискну сказать, что преклоняюсь перед героями, что, по моему мнению, без героев человечество не имеет ни масштаба, ни веса, ни силы, ни высоты. Мы нуждаемся в героических деяниях, нуждаемся в героических образах.

Недавно я был в Гранаде, и один из моих учеников рассказал историю, услышанную им когда-то от деда. Это была история о солдате, раненном во время Филиппинской войны. В госпитале, понимая, что жить ему осталось недолго, он попросил, чтобы к нему подошла сестра милосердия. Та спросила его: "Сын мой, чего ты хочешь? Может быть, исповедаться?" А он ответил: "Нет, сестра. Я умираю, принеси мне, пожалуйста, зеркало". Она принесла, и солдат стал внимательно рассматривать себя в зеркале. И сестра, и соседи по палате удивленно спросили его, зачем он это делает. На что он ответил: "Я хочу увидеть, как умирает испанский солдат".

Этот молодой испанец умер на далеких Филиппинах, глядя на свое отражение в зеркале, умер с той самой толикой славы, с чувством внутренней гордости. Он хотел увидеть, как умирает солдат, воин! Ему было присуще героическое ощущение жизни. Это заслуживает уважения, ибо он сумел преодолеть и боль, и тоску, и страх, и крушение всех планов и надежд своей молодой жизни и просто гордился тем, что он солдат.

Простите за откровенность, но кто из нас обладает такой внутренней гордостью, чтобы в момент своей смерти попросить зеркало, чтобы увидеть, как умирает философ, как умирает испанец? А это нам так необходимо! Когда человек несет это чувство внутри себя, когда оно течет в его венах, отзывается в его нервах, тогда его уже нельзя назвать обычным человеком, ибо это чувство изменяет, трансформирует его и придает ему нечто героическое.

Я знаю, что сегодня немодно говорить о героях, но говорить о том, что сегодня не в моде, - это тоже часть нашей философии риска.

ДСГ: Вы считаете, что риск может пробудить в человеке новые, неожиданные способности, и не только на физическом, но и на психологическом и духовном уровне, способности другого плана, которые могут удивить даже самого человека, открывшего их внутри себя?

ХАЛ: Да, это так. Мы когда-то уже говорили на лекциях об идеалах тела и идеалах души, и тогда мы обратили внимание на то, что в разные моменты истории человечество приобретало опыт и добивалось успеха в разных областях. Очевидно, что сегодня мы

добились успеха в сфере науки и техники, и таких достижений не было у древних египтян и индусов. Тем не менее, как пишут в современных книгах, похоже, что люди, жившие в Древнем Египте или Древней Индии, обладали способностями, которые мы называем парапсихологическими. И которые сегодня можно встретить в психиатрических клиниках - их изучают как очень странные, уникальные случаи. В те времена существовали братства, группы людей, обладавших парапсихологическими способностями, способностями к интуиции, способностью помнить то, что происходило с ними в предыдущих воплощениях, способностью вступать в контакт с теми, кто ушел из этого мира, способностью телепатически общаться с близким человеком или другом, находящимся далеко. Я думаю, все это было возможно потому, что эти люди жили согласно психологии риска, иначе говоря, они были не настолько поглощены идеей комфорта, как мы.

Вы хорошо знаете, что потребность создает инструменты для ее удовлетворения, что необходимость побуждает нас к действию. Если у меня есть телефон и если заболел близкий мне человек, который живет в Америке, во Франции или где-то еще, и я очень за него волнуюсь, что я сделаю? Я просто подойду к телефону, наберу его номер и поговорю с Парижем. Я спрошу своего заболевшего ученика: "Привет! Как дела, как ты себя чувствуешь?" "Все в порядке, не стоит беспокоиться", - ответит он. "Ну тогда до встречи!" Таким образом я легко решил проблему, мучившую меня. Но в древности люди не имели телефона, они не могли, набрав какой-то номер, узнать то, что их волнует. В их сознании накапливались потребности, ибо и они хотели знать, как живут их близкие, но для этого надо было бы совершить путешествие продолжительностью в несколько месяцев. Росло беспокойство, это выводило из состояния равновесия их психику, и она получала возможность вступать в контакт с психикой другого человека, отделенного порой тысячами километров. Сегодня мы утратили способности парапсихологического характера, потому что и комфорт, и материалистический образ жизни не позволяют им развиваться. Думаю, что по мере освобождения человека от уз материализма и культа комфорта эти способности постепенно будут возрождаться.

Вы можете сказать: "Зачем нам парапсихологические способности, если у нас есть телефон?" или: "Зачем нам парапсихологические способности, если у нас есть телевидение?" Все это так. Но если мы зависим от телефона, от телевидения - от внешних факторов, то даже обычная забастовка рабочих-электриков может оставить нас без средств связи. Но на уровне души не существует забастовок, которые могли бы помешать нам общаться с близким человеком телепатически.

С другой стороны, должен сказать, что способности, которые можно назвать парапсихологическими или духовными, укрепляют нашу веру в самих себя, веру в бессмертие души, понимание того, насколько важна духовность. Благодаря этим способностям мы могли бы чувствовать и видеть, выходя за пределы пространственно-временных ограничений. Мы укрепились бы в мистическом восприятии мира и, независимо от того, ходим ли мы в какой бы то ни было храм или нет, приобрели бы внутреннюю уверенность в существовании Бога и нашей собственной души.

Поэтому я думаю, что древние народы и некоторые группы людей обладали парапсихологическими способностями именно из-за отсутствия соответствующих технических средств, и в итоге психология риска, стремление к расширению пределов и сверхусилия привели к тому, что эти способности появились. Я полагаю, что эти способности потенциально существуют в каждом из нас и не являются результатом каких-то заболеваний или психических отклонений. И мы сумеем развить их, если это будет жизненно необходимо.

ДСГ: Из сказанного можно сделать вывод, что баланс комфорта и риска циклически изменяется то в одну, то в другую сторону и что в истории были времена, когда доминировало то одно, то другое восприятие мира. Не могли бы Вы привести пример цивилизации, для которой философия риска была образом жизни?

ХАЛ: Да, все циклично, все приходит и уходит, и очень нелегко найти среднее состояние. Посмотрите на маятник: он движется то в одну, то в другую сторону, а потом опять - то в одну, то в другую, снова и снова. Очень трудно найти золотую середину, и поэтому трудно быть справедливым. Иногда гораздо легче быть хорошим или плохим, чем справедливым. Труднее всего обрести чувство подлинной доброты, духовной справедливости, которая, основываясь на неэгоизме, каждому дает то, что ему соответствует. Мы же, как правило, колеблемся между нашими страстями, потребностями и страхами.

На протяжении всей своей истории человечество проходило как через периоды полного материализма, так и через периоды, когда доминировала духовность. В разговоре, подобном нашему, очень трудно точно сказать, когда и в каких условиях это происходило. К тому же прошло то время, когда историю изучали с точки зрения Средиземноморья, и сегодня нам известно, что существовало много других цивилизаций. Если бы я сейчас рассказывал о Средневековье, вы по праву могли бы спросить, о каком именно средневековье идет речь, поскольку можно говорить о средневековье Средиземноморского бассейна, исламского мира или Чичен-Ицы в Месоамерике, где тоже были свои Средние века. И были времена в истории, когда доминировала философия риска, то есть времена героические.

Разве, например, битву при Фермопилах нельзя назвать проявлением героического духа у той группы греков (на самом деле они не были в подлинном смысле слова греками), у тех спартанцев, у тех трехсот лакедемонян, которые вместе с союзниками сражались против миллионной армии персов? Разве царь Леонид не нес в себе героическую способность рисковать? Разве он, пойдя на огромный риск, не спас западную цивилизацию того времени от уничтожения, сделав возможным появление Александра Македонского? Но для этого нужны были героизм, сила и способность рисковать.

Давайте вспомним Рим. Во времена Цезаря и Августа Рим был новым, молодым и способным к риску. Рим расширялся во всех направлениях, распространяя свою цивилизацию и культуру во все уголки мира. Даже его язык лег в основу многих европейских языков, а римское право стало базой для нашего права. В те времена Рим пытался добиться этого. Но посмотрим на поздний Рим в эпоху после Константина. Он потерял свою активность, чувство риска и начал защищаться. Поэтому Аларих без труда завоевал его, именно потому, что Рим утратил изначальное чувство риска, способность идти вперед и занял оборонительную позицию. В это время уже не звучало древнее изречение стоиков "Per aspera ad astra", "Через тернии - к звездам" - оно утратило свою актуальность.

В истории человечества есть моменты, когда доминирует риск. Но вот уже несколько веков в нашу посткартезианскую эпоху мы живем задавленные материализмом, лишившим нас способности рисковать. Понемногу этот материализм пропитал нас и превратил в толпу, в массу. Мы не хотим брать на себя риск, начинаем избегать его и в силу этого становимся частью самых разных систем.

Во время своих путешествий, особенно в Соединенных Штатах, я был свидетелем многих несчастных случаев. И больше всего поражало безразличие людей, на глазах которых произошла авария, безразличие, с которым они воспринимали чужое несчастье. Они могли смотреть на пострадавшего с сочувствием, но, как правило, никто ему не помогал. И не потому, что они плохие, а просто все знают, что есть система скорой помощи, которая должна решать такие проблемы. Но эта вера в систему полностью лишает человечности, если мы можем холодно наблюдать такие вещи. Необходимо выйти из этого состояния отчуждения и хотя бы на мгновение стать людьми! Если в этом зале кто-то упадет на пол, какой будет наша реакция? Что нам подскажет сердце? Мы подбежим к человеку, чтобы узнать, что с ним, спросим, есть ли в зале врач, постараемся хоть как-то помочь. А что можно сказать об обществе, где в подобном случае все продолжали бы слушать лекцию? Ведь кто-то пошел, чтобы позвонить в "скорую", а нам не стоит в это вмешиваться, это не наше дело. Но ведь так мы придем к полной бесчеловечности!

Информация о трагических событиях, катастрофах, войнах уже не затрагивает наше сердце. Мы читаем о том, что где-то люди убивают друг друга, страдают, и в то же время спокойно пьем свой кофе с крекерами и обсуждаем это с друзьями или с семьей: "Смотри-ка, в такой-то стране снова начали сражаться" или: "Слышали, вчера было землетрясение и погибли тысячи человек". Весь этот разговор пронизан отчужденностью и безразличием - да, погибли люди, но ведь есть международные организации, которые помогут. Что касается войны, то есть ООН, которая постарается решить этот вопрос, либо в эту страну войдут русские или американцы…Разве это наша проблема? Наша проблема - выпить свой кофе с крекерами.

Все уже продумано, все организовано, все, что нас окружает, функционирует, как огромный механизм. Зачем о чем-то думать? Если кто-то рядом будет кричать и звать на помощь, зачем идти? Есть полиция, которая для этого и существует и которой мы платим! И мы спокойно продолжим нашу лекцию об обществе комфорта и риске. И даже можем посетовать: "Что он так кричит? Пусть позвонит в полицию!" В этот момент его, может быть, душат, но мы скажем: "Нет, пусть ждет полицию".

Мы настолько привыкли к автоматизму, который нас окружает, привыкли жить внутри часового механизма, ожидая появления кукушки, что забыли, как надо реагировать, как реагировать по-человечески, из чувства любви. Это самое большее, что мы могли утратить, и никакие электрические аппараты, самолеты или магнитофоны не могут этого заменить. Может быть, именно поэтому мы, живущие сейчас внутри цивилизации, поглощенной комфортом и стремлением к удобству, иногда ощущаем тоску, тяжесть на сердце, а иногда потребность поделиться этим.

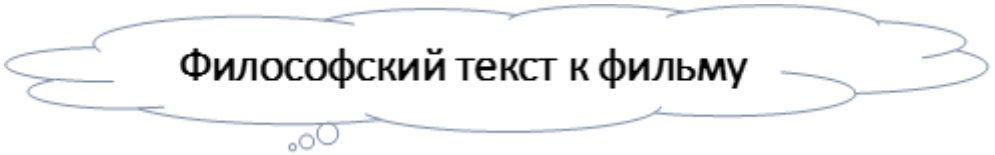
Разве мы достаточно умны, чтобы понять те замысловатые документы, которые издают правительства? Не только в Испании, но и во всем мире ничего не говорится ясно, так, чтобы мы могли сказать: с этим я согласен, а с этим - нет. Все говорят подобно древним сивиллам - загадочно и туманно. Например, террористов энергично осуждают, но при этом не ограничивают ни их действий, ни их свободы, ни их возможности делать то, что они делают…Мы живем в мире, где нет ничего конкретного, где все боятся и никто ни о чем ясно не высказывается. Рассказывают о группе неизвестных, которая штурмовала тюрьму, но на самом деле, эта "группа неизвестных" просто несла десятиметровые транспаранты. Говорят, о предполагаемых убийцах, но на самом деле эти "предполагаемые" убийцы виновны в смерти десятков людей.

Нам необходимо возобновление человеческих ценностей, которое даст нам возможность возвыситься, выйти из тумана лжи и лицемерия материалистического мира, который нас окружает.

Надо возродить философию риска!

12 марта 1977 г.

Мадрид, Испания

МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЙ ФИЛЬМ «ДУША»

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ

(1858 – 1918 гг.)

Созерцание жизни

Глава I

Трансцендентность жизни

Положение человека в мире определяется тем, что во всех измерениях своего бытия и поведения он в каждый момент находится между двумя границами. Это кажется формальной структурой нашего существования, выступающей всякий раз по-новому в многообразных областях, действиях и судьбах. Ценность и содержание жизни и каждого ее часа ощущаются нами лежащими между тем, что выше, и тем, что ниже; каждая мысль находится между более мудрой и более глупой, всякое владение между более обширным и более ограниченным, любое деяние между большим и меньшим по значимости, достаточности, нравственности. Мы постоянно ориентируемся, пусть и не в абстрактных понятиях, на то, что «над нами» и «под нами», на правое или левое, большее или меньшее, сильное или слабое, лучшее или худшее. Граница вверху и граница внизу являются для нас ориентирами в бесконечном пространстве нашего мира. Но кроме того, что мы всегда и повсюду имеем границы, мы также границей являемся. Ведь если каждое жизненное содержание – чувство, опыт, деяние, мысль – наделены данной интенсивностью и окраской, данным количеством и местом в каком-то порядке, то от каждого из них простираются ряды – по двум направлениям, к двум полюсам. Тем самым каждое содержание причастно обоим этим направлениям, которые в нем сталкиваются и им разграничиваются. Такое участие в реальностях, тенденциях, идеях, составляющих как бы плюс и минус, два полюса наших «здесь», «теперь» и «так», может быть достаточно темным и частичным, но оно придает нашей жизни две взаимодополняющих, хотя и нередко враждующих друг с другом ценности – богатство и определенность жизни. Те ограничивающие нас ряды и их части, которым мы сами указываем границы, образуют своего рода систему координат, с помощью которой устанавливается место каждого отрезка и любого содержания нашей жизни.

Но такое установление является лишь исходным пунктом для понимания решающей значимости пограничного характера нашей *экзистенции.*

Хотя граница вообще неизбежна, всякая заданная граница может быть пересечена, любое заграждение отодвинуто, каждый барьер взорван; но каждый такой акт находит или создает новую границу. Оба эти утверждения: что граница безусловна, поскольку ее наличие соответствует нашему данному положению в мире, и что ни одна граница не безусловна, поскольку всякая, в принципе, может быть изменена, раздвинута, обойдена, – оба эти утверждения выступают как развертывание единого в себе жизненного акта.

Из бесчисленных примеров этого я выберу только один, весьма характерный для динамики этого процесса и временной определенности нашей жизни, – пример знания и незнания последствий наших действий. Все мы подобны игроку в шахматы: если б он с достаточной вероятностью вообще не знал последствий одного хода, то игра была бы невозможна. Но она была бы невозможна и в том случае, если бы такое предвидение распространялось сколь угодно далеко. Платоновская дефиниция философа, как того, кто стоит между знанием и незнанием, относима к человеку вообще. Малейшее размышление показывает, насколько каждый без исключения шаг жизни определяется и делается возможным в силу нашего предвидения его последствий. Но определимым и возможным он будет потому, что мы предвидели его до некой границы, за которой он теряется и скрывается с глаз. Не только граница между знанием и незнанием делает нашу жизнь такой, как она нам ведома. Жизнь была бы абсолютно иной, если бы граница была всякий раз окончательной, если бы в идущей вперед жизни – как в целом, так и в каждом ее проявлении – сомнительное не делалось несомненным, а то, что было самой верою, не ставилось бы под вопрос. Присущая нашим границам подвижность такова, что мы можем выразить нашу сущность с помощью парадокса: мы всесторонне ограничены, и мы не ограничены ни с одной стороны.

Но это сразу подводит нас к следующему: наши границы ведомы нам как таковые – сначала по отдельности, затем в целом. Лишь тот, кто в каком-то смысле перешел за границу, знает, что он находится в границах и вообще осознает их наличие. Каспар Хаузер

не знал о том, что он находился в заключении, пока не вышел на свободу и не увидал стен темницы извне.

Тем не менее уже тот факт, что мы, познающие существа, находясь в рамках возможного познания, вообще способны прийти к идее, что мир не входит в формы нашего познания; тот факт, что мы, будучи сами чисто проблематичными существами, можем мыслить данность мира, каковую мы мыслить, как раз не можем, – именно это является выходом духовной жизни за собственные пределы, прорывом к лежащему по ту сторону. И это – прорыв не какой-то единичной границы, но границ вообще, акт *самотрансценденции,* устанавливающий имманентную границу, будь она действительной или только возможной. Данная формула подходит для любого оформления всеобщего. В односторонности великих философских систем находит свое недвусмысленное выражение связь между многозначностью мира и нашими ограниченными возможностями его истолкования. Но то, что мы знаем об этой односторонности, причем не об отдельных ее примерах, но о принципиальной ее необходимости – как раз это ставит нас над односторонностью. Мы отрицаем ее в то самое мгновение, как о ней узнаем, не переставая при этом пребывать в односторонности. Только это освобождает нас от отчаяния по поводу нашей ограниченности и конечности: то, что мы не просто заключены в границы, но осознаем их, а тем самым из них выходим. Знание о нашем знании и незнании, а затем и знание об этом объемлющем знании и т.д., вплоть до потенциальной бесконечности – это подлинная бесконечность движения жизни на ступени духа. Здесь преодолимо каждое ограничение, но лишь потому, что граница была положена, а тем самым имеется нечто преодолимое.

Этим движением трансценденции дух показывает свою жизненность. В этической области это выступает в многообразных формах вновь и вновь возникающей идеи о преодолении самого себя как нравственной задаче человека. От целиком индивидуалистической формулы: «От силы, связующей все сущее, человек освобождается, преодолевая самого себя» и вплоть до формулы философски-исторической: «Человек есть нечто, что должно быть преодолено». С логической точки зрения это кажется противоречием: тот, кто преодолевает себя самого, является и преодолевающим, и преодолеваемым. Побеждая, Я покоряется себе; покоряясь себе, оно себя же побеждает. Но противоречие возникает лишь с упрочением двух противоположных, взаимоисключающих аспектов. Единый и целостный процесс нравственной жизни постижим в преодолении низшего состояния высшим, а его – еще более высоким. Самопреодоление человека означает, что он выходит за границы, положенные ему мгновением. Должно быть нечто преодолеваемое, но лишь с тем, чтобы стать преодоленным. Так что и этически человек есть пограничное существо, не имеющее границ. Это беглое описание самого общего и не слишком глубокого аспекта жизни подготавливает вытекающее из него понимание жизни. В качестве исходного пункта я возьму размышление о природе времени.

Строго логически понятие настоящего означает лишь абсолютную неразвернутость момента; это столь же не является временем, как точка пространством. Оно означает только столкновение прошлого и будущего, каковые и являются временными величинами, т.е. временем вообще. Но так как одного уже нет, а другого еще нет, то реальность схватывается лишь в настоящем. Иначе говоря, реальность есть нечто вообще вневременное, а понятие времени применимо к ее содержаниям, когда вневременная реальность настоящего сделалась «уже не» или «еще не» – во всяком случае каким-то «не». Времени нет в действительности, а действительность не есть время.

Только логическое рассмотрение объекта принудительно ведет к такому парадоксу. Субъективно переживаемая жизнь ему не желает подчиняться; она ощущает себя – независимо от наличия или отсутствия логического оправдания – реальным во временном протяжении. Пусть неточно и поверхностно, язык выражает это положение вещей, подразумевая под «настоящим» не просто точку (каковой оно является для понятия), но присоединяет к ней небольшие отрезки прошлого и будущего. Их протяженность весьма различна в зависимости от того «настоящего», о котором идет речь, – личностного или

политического, культуры или истории Земли. При более глубоком рассмотрении становится очевидно, что любая действительность жизни соотносится со своим прошлым иначе, чем механическое событие. Последнее столь безразлично к породившему его прошлому, что одно и то же состояние, в принципе, может быть результатом различных комплексов причин. Но в том материале наследственности, из которого строится организм, встречаются бесчисленные индивидуальные элементы, причем таким образом, что ведущий к каждой индивидуальности ряд событий прошлого не может быть заменен никаким другим. Воздействие здесь оставляет след – в отличие от механического движения, которое может быть результатом сколь угодно различных компонентов.

Но во всей своей чистоте вживленность прошлого в настоящее выступает там, где жизнь достигает стадии духа. Жизнь обладает тут двумя формами: объективацией в понятиях и в формах, которые с момента своего возникновения и как таковые переходят во владение сколь угодно большого числа потомков; и памятью, в которой прошлое субъективной жизни выступает не только как причина ее настоящего, но в относительной живости своего содержания сохраняется в настоящем. Поскольку ранее пережитое живет в нас как воспоминание – не сделавшись вневременным содержанием, а связанное в нашем сознании со своим местом во времени, – постольку оно не может без всякого ущерба быть заменено другим, как в случае механистически-причинного рассмотрения. Сфера реальной настоящей жизни простирается назад вплоть до этого места. Тем самым прошлое как таковое не восстает из своей могилы; так как наше переживание связано не с настоящим, но привязано к тогдашнему моменту, то и само наше настоящее оказывается не точечным (как в механическом существовании), но, так сказать, растянутым назад. В такие мгновения мы вживляемся в мгновения прошлого.

Аналогично наше отношение к будущему, которое недостаточно выражено определением человека как «целеполагающего существа». Сколь угодно удаленная «цель» выступает как неподвижная точка, от которой отделено настоящее, тогда как решающим является как раз непосредственное вживание настоящей воли (а также чувства, мышления) в будущее:
настоящее жизни заключается в том, что оно трансцендирует настоящее.

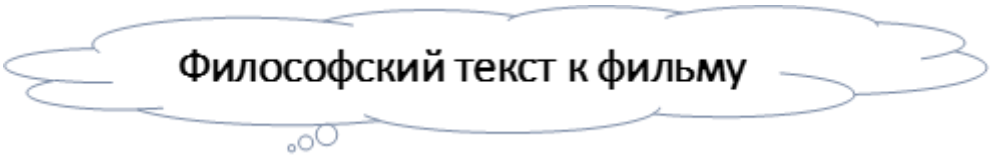
Каждое протекающее в настоящем движение воли указывает на нереальность порога между «теперь» и будущим: установив его, мы сразу оказывемся и по сю, и по ту сторону преграды. «Цель» позволяет непрерывному жизненному движению сгуститься вокруг одной точки, что в известной мере отвечает нуждам рационализма и практики. Тем самым в непрерывной временной жизни образуется провал, где на одном берегу в субстанциальной затвержденности оказывается точка настоящего, а на другом берегу ей противостоит точка цели. Будущее, как и прошлое, локализуется в какой-то одной, пусть парящей в неопределенности, точке. Так процесс жизни распадается в логическом разграничении трех грамматически обособленных tempora и в них затвердевает, скрывая непосредственную, неразрывную устремленность в будущее, каковой и является всякая жизнь настоящего. Будущее лежит перед нами не как неизведанная земля, отделенная от настоящего четкой пограничной линией, но мы постоянно живем в пограничье, которое столь же принадлежит будущему, сколь и настоящему.

Все учения, помещающие нашу душевную жизнь в волю, выражают только то, что душевное существование, так сказать, перетекает через точку настоящего, а будущее принадлежит его реальности. Простое желание может направляться в дальнее, еще не жизненное будущее, но действительная воля находится по ту сторону противоположности настоящего и будущего. Уже в актуальный момент воления мы оказываемся за его пределами, поскольку в его кажущейся логически неизбежной непротяженности не положена направленность последующего движения волящей жизни.

Сказать, что она виртуально принадлежит данной точке, – значит просто прикрыть словами непостижимое. Жизнь действительно является прошлым и будущим; они к ней не просто примысливаются, как в случае неорганической, чисто точечной действительности.

Но и до ступени духа, в зарождении и развитии, мы находим сходную форму: любая жизнь перешагивает через саму себя, образуя единство настоящего с «еще не» будущего.
Пока мы строго понятийно разграничиваем прошлое, настоящее и будущее, время ирреально, так как действительностью обладает только нерастяжимый во времени, т.е. вневременный момент настоящего. Но жизнь есть существование особого рода, такое расчленение не подходит для ее фактичности. Только задним числом, в разложении на механические схемы, появляются три логически разграниченных времени. Только для жизни время реально (идеальность времени у Канта, быть может, внутренне связана с механистическим элементом его мировоззрения). Время представляет собой, вероятно, абстрактную форму сознания того, чем является жизнь в невыразимой, лишь переживаемой непосредственной конкретности. Время есть жизнь в отвлечении от ее содержаний, поскольку лишь жизнь из вневременной точки настоящего по двум направлениям трансцендирует любую действительность и тем самым реализует временную длительность, т.е. само время.
Если мы рассмотрим понятие и факт настоящего в самом общем виде (на что мы имеем полное право), то эта сущностная структура жизни предстает как постоянный выход за пределы самого себя как настоящего. Это выхождение актуальной жизни в то, что актуальным не является, однако, таково, что именно это выхождение составляет актуальность. Оно не является чем-то, к чему жизнь только приходит, но тем, что свершается в росте и в рождении, духовном развитии как сущность жизни. Способ существования, который не ограничивает свою реальность настоящим моментом, выталкивая тем самым прошлое и будущее в ирреальное, но подлинная длительность которого реально находится по ту сторону подобного разделения, так что его прошлое действительно существует в настоящем, а настоящее в будущем, – такой способ существования мы называем жизнью.
Утверждение, что жизнь протекает в форме, обозначенной мною как выхождение за собственные пределы, опирается на антиномию. Мы представляем себе жизнь как непрерывный поток поколений. Но ее носителями (не теми, кто жизнь имеет, но теми, кто ею являются) оказываются индивиды, т.е. замкнутые в себе, имеющие в себе свой центр, однозначно обособленные друг от друга существа. Если поток жизни протекает через индивидов (вернее, в них), то он скапливается в каждом из них и обретает в них четко очерченную форму. В ней индивид противостоит как себе подобным, так и окружающему миру со всем его содержанием. Как нечто законченное индивид не терпит никакого стирания своих границ. В этом заключается последняя метафизическая проблема жизни: она является и безграничной непрерывностью, и Я с определенными границами.
Если посмотреть с другой стороны, жизнь всегда есть ограниченное образование, постоянно преодолевающее свою ограниченность. Конечно, категория «выхода жизни за собственные пределы» имеет лишь символическое значение, указывая в общем и целом на ее характер. Этот указатель можно было бы улучшить. Но все же я считаю первичным и существенным это схематичное и абстрактное обозначение. Оно представляет собой знак или форму конкретной полноты жизни, сущность которой (не что-то извне приданное ее бытию, но это бытие составляющее) заключается в том, что трансценденция для жизни имманентна. Самым простым и самым фундаментальным примером этого является самосознание, прафеномен и духа, и человеческой жизни вообще. Я не только противостоит самому себе и делает себя предметом знания, но также судит себя, почитает или презирает, а тем самым становится над самим собою, постоянно через себя перешагивает, оставаясь самим собою. Субъект и объект здесь тождественны. Я развертывает это несубстанциальное тождество в духовном самопознании, не разрывая его. Но возвышение познающего сознания над самим собой как познаваемым простирается в бесконечность: я знаю не только то, что я знаю, но также знаю об этом знании.

Сущность жизни видится в этом выходе за свои пределы. Трансцендирование – это определение жизни вообще. Замкнутость ее индивидуальной формы хотя и сохраняется, но лишь с тем, чтобы она всегда прорывалась непрерывным процессом. Сущность жизни обнаруживается в том, что она есть «более жизнь» и «более-чем жизнь», – положительная степень сразу оказывается сравнительной. Я прекрасно понимаю все логические трудности, возникающие при такого рода понятийном изображении жизни. Я набрасывал эти мысли, отдавая себе отчет о логических опасностях, но тут, быть может, мы достигаем того слоя, где логические затруднения уже не заставят нас замолчать, ибо это тот слой, в котором лежат метафизические корни самой логики.

ФИЛЬМ «КУДА ПРИВОДЯТ МЕЧТЫ»

С. В. Омарбекова

Любовь как экзистенциал человеческого бытия

Любовь представляет собой нечто большее, чем соматическое или эмоциональное состояние, она — «интенциональный акт», направленный на сущность другого. И эта сущность в предельном своем выражении не зависит от форм проявления. В свете экзистенциала любви человеку открываются новые возможности самоутверждения посредством укоренения в безусловно ценном бытии Другого. В любовном акте осуществляется путь познания и обретения человеком своей истинной самости как действительного и потенциального бытия Я. Таким путем от осознания того, кто он есть, кем может быть и кем должен стать, человек обращается к созиданию себя, самоорганизации своего бытия, своей сущности, т. е. к самореализации. Личность достигает самопознания только через свое отношение к другой личности. Именно поэтому любовь представляет собой известный парадокс. Если бы она была чистым желанием физического обладания, в большинстве случаев она легко могла бы быть удовлетворена. Но стремясь к взаимности, к пониманию другого человека, мы в то же время хотим подчинить его суверенную свободу. Именно в этом смысле любовь является конфликтом. «В Любви любящий хочет быть “всем в мире” для любимого. Таким образом, любящий… хочет быть любимым свободой и требует, чтобы эта свобода как свобода не была бы больше свободной. Он хочет одновременно, чтобы свобода Другого определялась собой, чтобы, стать любовью… и вместе с тем чтобы эта свобода была пленена ею самой…». Следовательно, любовь всегда представляет собой противостояние, поскольку она связана со свободой другого, с желанием ее «упорядочить», направить в другое русло, следовательно, ограничить.

На протяжении всей человеческой истории наблюдается «Великая битва Мужчины и Женщины» за обладание друг другом, ибо «в любящих есть демонический элемент вражды». Однако любви нельзя достигнуть с помощью силы, как нельзя овладеть свободой другого, не нарушив ее. Воля к власти приводит не к любви, а только к страху. Кто хочет быть любимым, тот, напротив, не желает порабощения любимого существа. Его не манит перспектива стать объектом гнетущей механической страсти. Он не хочет обладать автоматом. Он хочет со-участвовать в свободе другого. В любви каждый любящий предполагает существование другого, и именно свобода другого служит обоснованием сущности любимого. Таким образом, любящий достигает самопознания только через другого, и эта диалектика Я и Другого наиболее полно выражает сущность любви. Любовь, ожидаемая от другого, не должна ничего требовать: она — чистая преданность без взаимности. Такая любовь не может существовать иначе, как в виде

потребности любящего. Если любящий подчиняется, то подчиняется только самому себе: он в плену у своей собственной потребности в той мере, в какой любовь есть потребность быть любимым; он — свобода, разыгрывающая бегство к другому, свобода, которая именно в качестве свободы настаивает на собственном Я и мир объектов.

Такова великая диалектика любви, которая предполагает свободу и взаимозависимость любящего и любимого, Я и Другого. Однако в любви никогда нельзя достичь абсолютного равенства, а равновесие в ней всегда неустойчиво. Истинное переживание любви создает экзистенциальное переживание преображающей полноты и всеединства всех форм существования человеческой личности. В основе ощущения и осознания единства индивидуума с другим человеком или с Богом «…лежит наше знание… о том, что нам никогда не постичь тайны человека и Вселенной, но что мы, тем не менее, можем познавать в действенной любви». Личностное начало человека по-настоящему открывается именно в любви. «Истинная любовь делает человека творцом и, таким образом, поднимает его на новые ступени бытия, где реализуются новые идеи, смыслы и ценности». Неспособность индивидов любить приводит к невозможности экзистенциального переживания ими всей полноты бытия, а также к стагнации личностного начала в человеке. Все это ведет к деформации целе- и смысложизненной интенциональности человека, при этом неспособность переживания любви может редуцироваться в различных суррогатных формах (наркомания, алкоголизм, проституция, перверсии, девиации и др.) или патогенных реакциях (разводы, неврозы, психические расстройства, эпилептические синдромы, суициды и др.).

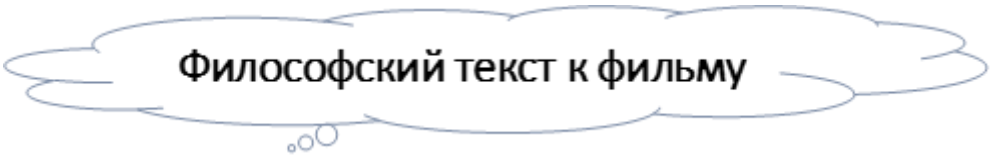
Человеческое существование должно иметь смысл в силу того обстоятельства, что именно данной конкретной индивидуальности, именно этой уникальной «комбинации генетического материала» был дарован шанс зарождения, становления и, следовательно, реализации: необходимость начала полагает осмысленность конца. Экзистенциал любви предполагает стремление выйти за пределы индивидуальной жизни, покинуть «тюрьму одиночества», преодолеть страх смерти и страх одинокого существования. Любовь дает человеку веру и надежду. Любовь — это прежде всего межличностное общение, слияние своего «Я» и «Я» другого человека. Итак, смысл человеческого бытия складывается, как мозаика, из множества «смыслов» существования отдельных людей, своеобразие жизненного пути которых формирует бытие человеческого сообщества.

Неповторимость, уникальность каждого человека указывает на его безусловную принадлежность к ценностному составу бытия. Лучшим способом признания уникальности и абсолютной ценности другого человека и самого себя является любовь. Любовь как квинтэссенция высших жизненных ценностей раскрывает человеку необходимость бытия Другого. Поиск и познание ценностей является предпосылкой возникновения любви. Именно любовь делает нас способными к новому и более глубокому ценностному познанию. Любящий онтологически близок любимому, его судьбе, какой бы она ни была. Страстно желаемое может находиться в весьма отдаленной перспективе, однако оно всегда дано нам как нечто ценное, значимое само по себе, а не как «используемое» по необходимости. Любовь глубоко укоренена в бытии и по сути едина, различаются лишь формы ее проявления.

Любовь — это непрерывный луч, идущий от Солнца, но приближение к этому источнику света для большинства людей возможно не в равной мере. Чем ближе человек может находиться к великому Светилу, тем более единосущности в его любви-дружбе, тем более осуществляется христианская идея «да двое едино будут». Есть любовь-терпение, но есть и любовь-радость. И та и другая находятся на разных стадиях пути к Единому Центру. Приближенность к этому Центру определяет тот сакральный факт, что из просто «ближнего» человек становится «со-тайником» благодати и в наибольшей мере может приобщиться к Христианской Церкви, которая и есть Любовь, в земном мире преодолевающая раздельность людей. Итак, любовь в акте метафизической интенции раскрывает ценностный образ человека.

В любви мы постигаем человека не только таким, какой он есть, но и таким, каким он может стать во всей своей уникальности и своеобразии. Являясь способом самоопределения, самопознания человека, любовь предполагает его самореализацию в мире. Она открывает феноменально переживаемое видение подлинного богатства внутреннего содержания индивида: во-первых, его наличное бытие (что есть человек); во-вторых, его потенциальное бытие (кем он может быть); в-третьих, его бытие ценностно-нормативное (кем он должен быть). В любви человек не просто отражает бытие, но и порождает его в новых индивидуально-личностных формах, творя на границе действительного и возможного, в «просвете бытия», интимно-эмоционально выражая его высшие смыслы и ценности. Человек в любви утверждает себя при помощи другого, ибо от другого он добивается признания ценности и реальности своего бытия. Любовь не просто характеризует человеческое бытие именно как бытие человека, но и конституирует индивида в этом качестве. В этом смысле любовь человека — это не столько его характеристика, сколько конституирующая особенность. Любовь — это то, что отличает человека не только как родовое, но и как экзистенциальное существо, выделяет его из окружающего мира. Именно в любви человек становится человеком в полном смысле этого слова. Возможность любить предполагает полноту существования индивида, а существовать в любви — значит постоянно выходить за пределы самого себя, действовать во благо любимого существа. «…Любовь-действие… выходит за пределы слов и размышлений, так как это — всепоглощающее переживание, переживание соединения» . Подчеркивая диалектичность любви, заметим: только любя, отдавая себя другому и проникая в него, я нахожу себя, я открываю себя, я открываю нас обоих, я открываю человека. Любить — значит открыться самому себе. В любви человек открывается всем своим чувствам, мыслям, впечатлениям, познает новые грани своих эмоций и переживаний, становится более искренним. Ситуация вокруг, как правило, переживается в положительном аспекте. Любовь есть межчеловеческая (межиндивидуальная) сила, разрушающая преграды между людьми. Это и биологический инстинкт (размножение, родительство), и экзистенциальная потребность в общении, преодолении отчуждения (межличностная коммуникация), и духовная потребность в единении («двое да едины будут»). Разобщенное существование держит человека в состоянии тревожности, а переживание отделенности рождает в нем тревогу, стыд и чувство вины.

Подобная ситуация отражена в библейском рассказе об Адаме и Еве. После того как первые люди вкусили от древа познания добра и зла, после того как они ослушались они увидели, что они нагие, и устыдились. Мужчина и женщина осознали свою отдельность и свое различие из-за принадлежности к разным полам. Но как только они поняли это, они стали чужими друг другу, потому что еще не научились любить (ведь Адам защищал себя, обвиняя Еву, вместо того чтобы пытаться защитить ее). Поэтому во все времена и во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение с другими людьми? Первоначально единение порождается внешними условиями, и по этой причине оно часто оказывается недостаточным для устранения состояния одиночества. Желание слияния с другими — наиболее сильное стремление в человеке, которое заставляет людей держаться вместе. Неудача в его достижении ведет к конфликтам или уничтожению себя и других. Следовательно, в любви можно и нужно искать спасения от одиночества. Любовь — это та сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его близких, и объединяет его с другими людьми; любовь помогает человеку преодолеть чувство изоляции. По-настоящему находит выход из одиночества лишь реальная любовь, которая есть вершина жизни, поскольку любовь не хочет знать законов объективированного мира. Итак, экзистенциал любви в определенной степени способен нейтрализовать деструктивную силу экзистенциала одиночества.

ФИЛЬМ «ПРИЗРАЧНАЯ КРАСОТА»

М. МОНТЕНЬ «ОПЫТЫ»

Смерть не только избавление от болезней, она — избавление от всякого рода страданий.

Презрение к жизни — нелепое чувство, ибо в конечном счете она — все, что у нас есть, она — все наше бытие... Тот, кто хочет из человека превратиться в ангела, ничего этим для себя не достигнет, ничего не выиграет, ибо раз он перестает существовать, то кто же за него порадуется и ощутит это улучшение?

...Каких только наших способностей нельзя найти в дейст¬виях животных! Существует ли более благоустроенное общество, с более разнообразным распределением труда и обязанностей, с более твердым распорядком, чем у пчел? Можно ли представить себе, чтобы это столь налаженное распределение труда и обязан¬ностей совершилось без участия разума, без понимания?

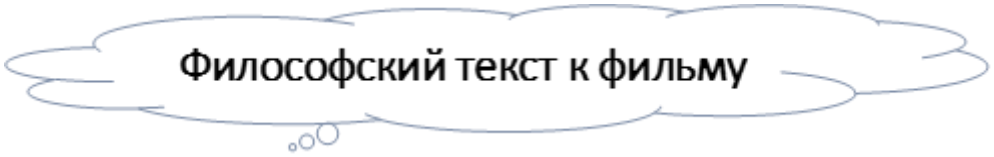
Все сказанное мною должно подтвердить сходство между по¬ложением человека и положением животных, связав человека со всей остальной массой живых существ. Человек не выше и не ниже других...

Когда Платон распространяется... о телесных наградах и на¬казаниях, которые ожидают нас после распада наших тел... или когда Магомет обещает своим единоверцам рай, устланный коврами, украшенный золотом и драгоценными камнями, рай, в котором нас ждут девы необычайной красоты и изысканные вина и яства, то для меня ясно, что это говорят насмешники, приспособляющиеся к нашей глупости. Ведь впадают же некоторые наши единоверцы в подобное заблуждение...

Вместе с Эпикуром и Демокритом, взгляды которых по во¬просу о душе были наиболее приняты, философы считали, что жизнь души разделяет общую судьбу вещей, в том числе и жизни человека; они считали, что душа рождается так же как и тело; что ее силы прибывают одновременно с телесными: что в детстве она слаба, а затем наступает период ее зрелости и силы, сменяющийся периодом упадка и старостью...

...Поразительно, что даже люди, наиболее убежденные в бессмертии души, которое кажется им столь справедливым и ясным, оказывались все же не в силах доказать его своими человеческими доводами...

Признаем чистосердечно, что бессмертие обещают нам только бог и религия; ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом.

ФИЛЬМ «ОСТРОВ СОБАК»

И.Н. Гоян, М.В. Дойчик

МИЛОСЕРДИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Осознание ценности своего существования в мире, усиление чувства собственного достоинства требует осмысления природы и актуализации такого морального феномена как милосердие. Нагромождение жизненных проблем, неуверенность в настоящем, в перспективах на будущее фатально усиливает стремление человека найти твердый грунт под ногами, то, что бы позволило сделать жизнь достойной

и полноценной в любых условиях, то, ради чего следовало бы жить или, возможно, отдать свою жизнь. Сознательно или несознательно человек снова и снова обращается к кардинальным вопросам нравственности, к вопросам выбора моральных ценностей, моральной составляющей достойного способа бытия. Милосердие есть едва ли не самым убедительным среди разнообразных проявлений достоинства.

Понятие милосердия определяется как сочувствующее отношение к кому-то. Милосердным называют человека, готового прийти на помощь другим, склонного к доброте и сопереживанию, чувства ценности другого. В этом значении слова милосердный, добрый, достойный есть синонимами. Милосердие – это деятельное добро, то есть, такое отношение, которое проявляется в поступках человека, содержание которых обуславливает ценность его существования в мире. Милосердие есть воплощение высокой любви к ближнему, любви к жизни. Фактически, изучая историю данного вопроса, можно убедиться в присутствии понимания милосердия как основы достойного бытия во всех мировых религиях: в христианстве – это определено в заповеди любви, в исламе – в долге милосердия, в буддизме и индуизме – в учении про сочувствие и сопереживание. Например, христианская нравственность рассматривает такие поступки, как голодного накормить, жаждущего напоить, нагого одеть, странствующего принять и накормить, больного и заключенного проведать, умершего похоронить в качестве повседневного делания каждого христианина. Проявлением духовного милосердия выступают и добрый совет, слова утешения. Милосердными можно считать и тех, кто делится знанием, опытом, терпеливо переносит злословие, прощает и не держит зла.

Вести себя милосердно – означает вести себя достойно. Милосердие имеет своей основой такие важные качества как сочувствие, внимательность, доброжелательность; оно не совместимо с гордыней, равнодушием, жестокостью. Только тот поступок милосерден, который свидетельствует об уважении к другому человеку, подчеркивает достоинство другого человека. Бескорыстная, милосердная жизнь ради других вызывала восхищение, а временами даже воспринималась людьми как признак святости, избранности. Напротив, позорный, недостойный образ жизни всегда имел эгоистическую окраску и проявлялся в пренебрежении интересами других людей ради своих собственных интересов. Сочувствующее, доброжелательное, заботливое, любовное отношение к другому свойственно человеческой природе; вместе с тем, иногда в ней преобладают проявления гордыни, зависти, злословия, злорадства, жадности и жестокости. Поэтому задачей человеческой души, проявлением достоинства личности человека является преодоление негативных склонностей через осуществление важного морального долга человека – милосердия.

В истории философии феномен милосердия преимущественно рассматривался сквозь призму морального самосознания, как способа нравственного бытия человека. В конфуцианстве человек способный к милосердию, без сомнения, должен владеть мужеством: готовностью решительно помогать и утешать тех, кто в этом нуждается. Желание не вмешиваться, стоять в сторонке и боязливо наблюдать за чужим горем рассматривалось в конфуцианстве как проявление низости и малодушия. Человек милосердный – это человек благородного духа, который придерживается трех моральных принципов: будучи способным к человеколюбию, он не печалится, будучи мудрым, он не поддается сомнениям, не колеблется, будучи смелым, он не боится. Милосердный человек полон чувства собственного достоинства и всегда действует так, как требует от него долг и его совесть: «Благородный человек находит смысл в долге, низкий человек ищет его в выгоде».

Встретив достойного человека, учил Конфуций, необходимо, в первую очередь, задуматься, как сравниться с ним в его добродетели. Встретив же недостойного человека, необходимо проверить самого себя на отсутствие таких качеств. Достойный человек требует, прежде всего, от себя, тогда как к окружающим относится с милосердием,

добром, действует ради них самих. «Низкий» человек требует, прежде всего, от окружающих и относится к ним с позиций собственной выгоды.

Милосердный человек, согласно конфуцианству, должен владеть собой настолько, чтоб уважать других, как самого себя и поступать с окружающими так, как желал бы, чтобы поступали с ним. Признание достоинства другого определяется как «правильный жизненный путь», как истинное поведение достойного человека: «Если с утра познаешь правильный путь, вечером можно умереть». Человек, до некоторой степени, детерминированный в своих милосердных поступках «дао», но и оно приобретает гуманистический смысл только благодаря ему: «Человек может сделать великим путь, которым идет, но путь не может сделать человека великим».

В античной философии милосердие («агапе») определяется как стремление к самоанализу путем обращения к другому, желание ощутить свою значимость, как в глазах других, так и в своих собственных глазах. По мнению Сократа (в изложении Платона), людей, проявляющих способность к дружественным, милосердным поступкам, всегда и повсюду приветствуют и любя. Примечательно, что «агапе» у Платона [11] близко по содержанию с христианской трактовкой милосердной любви. Философы христианского средневековья также придавали большое значение феномену милосердия, а идея милосердия является одной из ведущих тем духовных исканий Оригена, Августина Аврелия, Тертуллиана, Иоанна Златоустого, Григория Нисского, Фомы Аквинского и других. Вместе с тем, в христианстве достоинство – само по себе вознаграждение: «где достоинство, там и любовь, где любовь, там спокойная совесть, где спокойная совесть, там мир и спокойствие, там радость и утешение». Человеческое достоинство рассматривалось в христианстве в сопоставлении с богоподобным милосердием, которое актуализируется в человеке вследствие «развития Божьей благодати, ниспосланной ему небесами при рождении». Как говорил Иоанн Златоуст, даже в условиях преследования, угроз или наказания, деятельное милосердие определяет величественное достоинство и счастье человека.

Потребность толкования милосердия в качестве феноменального признака достоинства человека прослеживается как в трудах представителей классической украинской этико-философской мысли, Григория Сковороды, Памфила Юркевича, так и в российской религиозной философии, в трудах 40 Владимира Соловьева, Льва Толстого, Семена Франка, Николая Бердяева. В зарубежной философии XX ст. этико-психологические аспекты исследуемого феномена изучали Эрих Фромм и Роберто Асаджоли. Этика исторического материализма относила понятие «милосердие» в сфере религиозной этики и не рассматривала его в контексте этической проблемы достоинства человека. Историко-философские и этико-психологические аспекты проблемы милосердия и его смысла в процессе самосознания человека, осознания собственной значимости и великодушия, отобразились в новейшей украинской философской литературе (Татьяна Аболина, Мария Кашуба, Виктория Ларионова, Виктор Малахов, Вера Мовчан, Валентина Панченко, Владимир Ярошовец). Милосердие в качестве морального принципа, в той или иной форме, признавалось большинством отечественных и зарубежных мыслителей. Но присутствовали и серьезные сомнения: во-первых, самодостаточно ли милосердие в качестве этического принципа; во-вторых, можно ли рассматривать милосердие в качестве морального императива достойного бытия, фундаментального по своему характеру, и может ли это чувство быть предпосылкой выбора. Кроме того, в повседневной жизни к милосердию нельзя обязать («сердцу не прикажешь»).

Иными словами, для человеческого достоинства важно, насколько в нем самом достаточно сочувствия, почтения, доброты ко всем существам этого мира, которыми определяется и мера отношения к человеку. Хотя, за своим объективным смыслом, милосердие близко сочувствию, но рассматривать его просто как проявление последнего было бы неправомерным, поскольку по своей экзистенциональной сути они не

обязательно совпадают. Если сочувствие, тем более, сопереживание, проявляется в 41 беспокойстве личности о страданиях других, сопровождающееся слиянием с ними собственного Я, то милосердие, наоборот, предполагает субъекта, который, руководствуясь моральными устремлениями, чувством собственного достоинства, творит добро тем, кого осознает именно как других, не отождествляя с собой. Поэтому деятельная солидарность под влиянием сочувствия отличается от актов милосердия. Милосердие само по себе есть высокой этической ценностью, а моральная ценность его проявляется, например, в сравнении с толерантностью и уважением. Вместе с тем, толерантность обычно сводится к терпению (лат. tolerantia) к другому, тогда как уважение же требует признания другого самодостаточной ценностью.

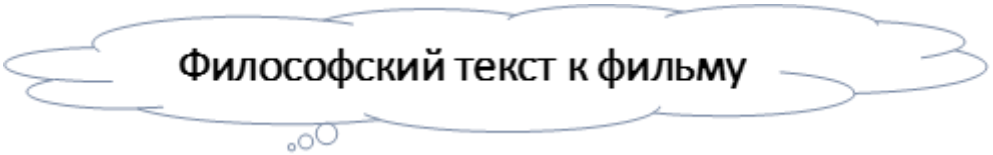
Уважать – это не просто терпеть, а утверждать ценностный статус другого, признавать его достоинство, даже если по своей природе он нам чужой. Подобно толерантности и уважению, милосердие – это также отношение к другому как к самому себе. Милосердие – это не столько физическая помощь, сколько духовная поддержка ближнего. Духовная поддержка заключается, прежде всего, не в осуждении ближнего, а в уважении к его человеческому достоинству. Это чувство основывается на деятельной поддержке Другого в его бытии и самореализации. Главная сложность деятельного милосердия заключается в необходимости помогать другим и, при этом, оставаться собой. Согласно принципам христианской этики (речь здесь идет, прежде всего, о традиционном христианстве – Католичестве и Православии), человек должен быть милосердным ради блага и спасения собственной души. Этот тезис утверждает моральную истину: искренние акты милосердия не могут унижать человека, его достоинство, поскольку он сам жизненно и духовно заинтересован в этой деятельности, будучи субъектом милосердия. Данный вывод можно применить и к целому обществу, так как общество, которое не проявляет милосердия по отношению своих нуждающихся членов, вредит само себе, предает собственную духовность, разрушая собственные основы. Милосердие имеет моральную ценность и есть признаком достоинства человека только как свободная духовная деятельность человека, не через принуждение или из-за желания демонстративного великодушия. Показательное демонстративное милосердие без духовного сопереживания влечет потерю для субъекта собственного морального облика и уничижает его достоинство в глазах окружающих. Милосердие – бескорыстное по своей сути, не ожидает похвалы или ответного добра, но оно никогда не равнодушно к нуждающимся.

Выдающийся немецкий философ XVIII ст. Иммануил Кант в своей практической философии разграничивает понятия милосердия, как проявления бытия достойного человека, и любви. Любовь (симпатию) он рассматривает как благосклонность: любить можно только по зову души. В отличие от любви, милосердие подчиняется чувству долга. Делать добро другим, за Кантом, составляет обязанность человека, независимо от тех чувств, которые он питает по отношению к другим. Кант подчеркивал: «Достоинство человека определяется моральной ценностью его поступков. Таковыми являются только поступки бескорыстные, основанные на чувстве долга. Разные побуждения, страх, надежда, если они становятся принципами, полностью уничтожают моральную ценность поступков» [5, с. 140]. Трактуя эту мысль И. Канта, А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян отмечают, что, несмотря на разграничение милосердия вследствие долга и милосердия в качестве любви, категорический императив тождественен именно заповеди любви. Человек относится к другим не только как к самому себе, но и как к ценности самой по себе. И действительно, неблагодарности не существует для достойного, бескорыстного человека. Достоинство человека, величие его души, зависит не от того, сколько он отдает другим, а от того, сколько он ожидает в ответ. В христианском мировоззрении Бога следует любить за то, что Он есть, а не за Его добро; а каждую личность следует любить во имя Бога, поскольку она уникальна и бесценна в своем существовании. Иисус Христос учил людей жить, отдавая, а не получая. Жить интересами других людей – вот наивысший уровень любви и уподобления Богу. Наиболее ярко эту мысль высветили христианские

аскеты. Ефрему Сирину принадлежат слова: «Все проходит, только дела наши будут нас сопровождать. Поэтому приготовьте себе путеводитель для пути, которого никто не избежит» [6, с. 650]. Сходно с ним и Исидор Пелусиот восклицал: «Мы спасены не за добрые дела, а для добрых дел. Небезынтересным представляется толкование милосердия в качестве моральной обязанности человека Королём Воителей (Папа Иоанн-Павел II). По его мнению, моральный долг тесно взаимосвязан с волей, соотносится с ней и исходит от нее. Воля к исполнению обязанности составляет главную потребность человечества, его моральное «быть или не быть». Поэтому долг связан с некоторыми усилиями. Постоянно возникает напряжение между тем, кем мы являемся и тем, кем должны быть, культивирующее в человеке чувство собственного достоинства. Человек имеет право на достоинство и лю- 43 бовь; именно в милосердной любви человек проявляет свои наивысшие способности и свою божественную сущность.

Независимо от того, что именно руководит поступком человека: «зов сердца» или холодное осознание долга, в обоих случаях имеет место принцип милосердия, утверждающий достоинство человека. Милосердие невозможно без душевных устремлений. Искреннее исполнение заповеди любви возможно при условии сочувствия, сопереживания и понимания чужого горя. Важным моментом, помимо эмоционально-волевых аспектов милосердия в качестве достойного отношения к ближнему, является осознание ответственности и проявление заботы. Жизнь можно осознать только в конкретной ответственности, – писал Михаил Бахтин. Жизнь без ответственности не может быть достойной: «она принципиально случайна и не имеет корней».

Таким образом, в категории ответственности как основе достоинства, заложена заинтересованность в другом человеке, в его жизни и благополучии. Способность принести себя в жертву ради другого, несмотря на его положительные качества и недостатки, составляет основу актов милосердия и достойного поведения человека. «Мне с самого начала не важно, как относится ко мне другой, это его дело; для меня он, прежде всего, тот, за кого я в ответе». По мнению известного немецко-американского философа XX ст. Эриха Фромма, милосердие – это, прежде всего, ответственность за собственное существование в мире. Зло лишает человека сил; «порок – это безответственность по отношению к себе». Анализ феномена милосердия, природы и механизмов его действия в бытии человека требует дальнейшей актуализации проблемы, как в рамках этической теории, так и в социальной философии. Здесь особенно важным представляется, на наш взгляд, определение роли и смысла милосердия в утверждении гуманистических ценностей и идеалов, в их реализации ради сохранения жизни в планетарном масштабе.

ФИЛЬМ«ЧУЧЕЛО»

М.И. Дорошева

ШКОЛЬНЫЙ БУЛЛИНГ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ОБЩЕСТВЕ

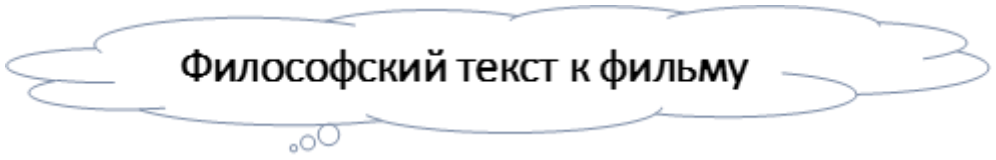
На первый взгляд, буллинг — это частное явление из области психологии образования. Но следует учесть, что этот термин изначально возник при изучении взрослых коллективов. В 1993 году норвежский психолог Д. Ольвеус занимался изучением этого вопроса и ввел свое определение травли, по его словам, буллинг — это преднамеренное систематически

повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы.

Буллеры это дети которые выступают агрессорами. Они находят в своем окружении самого слабого и начинают его унижать, призывая к этому некоторых людей из своего окружения. Наиболее распространен буллинг в начальной и средней школе. Ближе к 10-11 классам дети взрослеют, умнеют и травля сходит на нет. Рис.1 Частота проявления буллинга в зависимости от пола и возраста. В буллинге имеется множество ролей, которые делятся на три группы: 1. Булли- они являются инициаторами и возглавляют происходящее. 2. Наблюдатели – они как бы не участвуют в травле, но либо одобряют, либо осуждают. 3. Сама жертва. [1, с.45]. Причины, по которым возникает проблема основываются на сложностях и противоречивости особенностей растущих детей, внутренних и внешних условиях их развития. Школьный буллинг можно разделить на две формы: Физический- это толчки, пинки, удары и другие различные травмы, нанесенные умышленно. Психологический – давление на психику путем оскорблений и унижений, которые наносят психологическую травму ребенку. А также это преследования, запугивания и угрозы.[3, с.45].

Буллингу может подвергаться любой ребенок не зависимо от внешнего вида, заботы родителей, благополучия семьи. Самое главное не оставлять эту проблему без внимания и начать бороться с ней как можно раньше. Распознать то, что ребенок стал жертвой буллинга можно по следующим признакам: боли в животе и груди без причины; нежелание идти в школу, снижение успеваемости; нервный тик; грустный вид, беспокойство, тревожность; нарушенный сон, частые кошмары; склонность к уединению, нежелание общаться; ухудшение аппетита. [2, с.68]. В одиночку ребенок не в состоянии справиться с унижениями. Нужен комплексный подход. Со стороны родителей требуется поддержка. Если они сами не понимают, как с этим справиться, то следует обратиться к психологу. После консультации родители уже могу спокойно поговорить с ребенком, используя следующие фразы: «Я верю тебе», «Мне жаль, что с тобой это случилось», «Это не твоя вина», «Хорошо, что ты мне об этом сказал», «Я люблю тебя и постараюсь сделать так, чтобы тебе больше не угрожала опасность». В силу возраста ребенок не сможет сам разобраться с травлей, но родители должны дать советы как этого избежать. Например, рассказывать о случаях буллинга взрослым, которым доверяешь, нужно укреплять самооценку и вести себя уверенно. Нельзя надеяться отомстить с помощью ещё большей жестокости. Необходимо избегать ситуаций, в которых возможна травля, и отклонять предложения поучаствовать в ней. Если стал свидетелем насилия, нужно немедленно привести кого-то из взрослых или посоветовать жертве пойти за помощью к родителю или учителю, которому она доверяет. [4, с.158].

Действия учителя должны быть направлены на то, чтобы разобраться с этой проблемой внутри коллектива. Он должен поговорить с каждой стороной буллинга, потом собрать их вместе. Надо дать понять обидчику, что это неприятно, обидно и оказаться на месте жертвы было бы очень досадно. В завершении можно сделать вывод, что никто не защищен от травли и жертвой может стать любой ребенок. Для того, чтобы не допустить такого нужно регулярно проводить беседы родителей и учителей с ребенком. Родители должны придавать ребенку веры в себя, а задача учителя объяснить, что такое хорошо, что плохо и конечно же сплотить коллектив детей.

ФИЛЬМ «ОНА»

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ КАК ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Д.В. Прокофьева

Сегодня становится все более очевидно, что возведение технологического прогресса в культ приводит к возникновению технологического вида отчуждения, поскольку техника без человека — мертва и даже опасна. Советский исследователь проблемы отчуждения З. Какабадзе писал об этом следующее: «Позитивистское мировоззрение, физикализм, крайний рационализм, натурализм, техническое мышление вообще в соответствующей социальной системе повлекли за собой превращение техники из средства в цель, а то, что с самого же начала было предназначено для обеспечения человеческого счастья, превратилось в причину отчуждения человека». Под технологическим отчуждением мы подразумеваем, что нечто, созданное человеком (в данном случае технологии), обращается против него, берет над ним власть, и в XIX веке мы можем отчетливо видеть, что техника и технологии уже становятся выше человека и, в некотором роде, начинают выступать инструментами контроля. С одной стороны, это выражается в том, что человек, практически не мыслящий своей жизни без современных технологий, настолько полагается на них, что подчас не способен обращаться к ресурсам собственной памяти и креативности для того, чтобы построить грамотный диалог с собеседником. Особенно ярко это видно на примере молодежи, выросшей в эпоху повсеместного распространения интернета. В процессе непосредственной коммуникации человек сталкивается с проблемами в ней, поскольку постоянное пребывание в Интернете вызывает привыкание, а получаемая оттуда информация не откладывается в долговременную память, так как возникает иллюзия, что к ней можно вернуться в любой момент. Человек, взаимодействующий с другими посредством живого общения, выходит из собственной «зоны комфорта», в результате чего ему приходится снова прибегать к помощи виртуальной реальности — к просмотру видеороликов, фотографий, прослушиванию музыки с тех же «средств коммуникации». С одной стороны, они, конечно же, приходят на помощь и выручают в подобных ситуациях, дают пищу для бесед и обсуждений. Но с другой — человек все меньше полагается на себя, свои изобретательность и фантазию. Реальный мир вытесняется и заменяется виртуальными суррогатами.

С другой стороны, постоянно совершенствующиеся, пусть даже незначительно и визуально, технологические устройства неизменно призывают потребителей покупать их, тем самым навязывая шаблоны поведения. Становится ясно, что в этом случае результаты научно-технического прогресса превращаются из средств для достижения определенных целей в саму цель, они механизируют жизнь человека и вытесняют из нее духовную составляющую.

В то же время технологические устройства зачастую заменяют собой реальность, вытесняя ее за собственные рамки. Американский социальный философ и футуролог Д. Нейсбит рассуждает о новых информационных технологиях, прочно вошедших в нашу жизнь, и анализирует их влияние на современного человека и на его отношение к жизни и окружающей действительности: «Портативный компьютер во время отпуска соединяет нас с работой, но отвлекает от того факта, что мы отдыхаем.... Технология может создать физическое и эмоциональное отчуждение и отвлечь нас от нашей собственной жизни».

Человек начинает смотреть на мир сквозь объектив камеры или экран сотового телефона, пытаясь найти правильный ракурс, с целью сделать удачный снимок. Окружающая реальность оценивается с точки зрения того, насколько выигрышно она будет смотреться в социальной сети, и вызовет ли желаемую реакцию. Это приводит к тому, что индивид отчуждается от реальности, поскольку не стремится запечатлеть прекрасные мгновения у себя в памяти или в душе, но пытается максимально удачно зафиксировать их на некотором носителе. Но здесь возникает резонный вопрос, — насколько сопоставимы виды на мониторе компьютера или даже на распечатанных фотографиях непосредственно

с реальностью. Не разъединяет ли таким образом человека техника с природой? Этот же вопрос поднимает Э. Фромм в своей работе «Здоровое общество»: «И в самом деле, моментальная фотография стала одним из наиболее существенных выражений отчужденного зрительного восприятия, потребления в чистом виде. „Турист“ с его камерой — яркий символ отчужденного отношения к миру. Постоянно занятый фотографированием, он сам фактически вообще ничего не видит, кроме как сквозь глазок фотоаппарата, выполняющего роль посредника. Камера видит за него, а результат доставившей ему „удовольствие“ поездки — коллекция снимков, заменяющих впечатления, которые он мог бы получить, но не получил».

Точно так же в современном мире люди заменяют свою реальную жизнь сообщениями в Твиттере и фотографиями в инстаграме. Зачастую каждый шаг фиксируется человеком в социальных сетях в ожидании похвалы, внимания и одобрения. Возможно, это тоже следствие отчуждения человека, но уже в реальном мире, которое он и пытается компенсировать в мире виртуальном. Стремлением к вниманию и одобрению он пытается компенсировать свое одиночество и недостаток любви в реальном, а не виртуальном мире. Это одна из важнейших морально-экзистенциальных дилемм, которая не видна сразу, и на первый взгляд является естественным следствием технологического прогресса. Безусловно, индивид в обществе всегда пытался соответствовать социальным установкам, и следование стереотипам делало жизнь более простой в социальном плане. Однако дилемма между реальным бытием и виртуальным его замещением оставляет заметный отпечаток на жизни современного человека, заставляя его совершать серьезный выбор между осознанным проживанием собственной жизни и следованию социальным установкам, формируемым через отчужденную виртуальность.

В пользу последнего говорит и тот факт, что зачастую у активных интернетпользователей возникает виртуальная зависимость. Подобное особенно очевидно в случае, когда у человека практически отсутствуют интересы, не связанные с компьютером и Интернетом напрямую, и весь свой досуг он проводит в «сети».

Симптомы подобной невротической зависимости проявляются, например, в том, что человек начинает себя чувствовать крайне неуютно, становится раздражительным и даже агрессивным, в случае если его лишают доступа в Интернет. «Действительно, — пишет Э. Фромм, — отчужденная личность считает почти невозможным оставаться наедине сама с собой, так как панически боится почувствовать, что она — ничто». Современные средства массовой информации и коммуникаций создают для этого все условия. Они предлагают нам огромное разнообразие всего только лишь для того, чтобы мы не оставались наедине с собой.

Это и развлекательные телешоу, поставляющие суррогаты эмоций всех видов, и ответ на желание непрерывного потребления в виде рекламы или телемагазинов. Фромм характеризует современного человека как невротическую личность, неспособную находиться в состоянии так называемого «медитативного» покоя и рефлексии хотя бы какое-то время, созерцать самоё себя. Человеку необходима постоянная имитация деятельности, которую обеспечивают те же индустрия развлечений и сфера потребления, он не способен выносить тишину, ему нужен «фон» для собственной жизни — как звуковой, так и зрительный. Это постоянные шумы города и непрерывное мигание и мельтешение телеэкранов и мобильных телефонов, неоновых реклам и огней. Интернет-общение и часто бесцельное времяпровождение в Интернете — это своего рода «заполнение своего времени», отвлекающее человека от рефлексии, важных мыслей и погружения в себя. Если более десяти лет назад основным средством для этого был телевизор, то сейчас его стремительно вытесняет Интернет.

Очевидно, что ситуация все больше усугубляется с каждым годом, вовлекая людей в виртуальность новыми способами и через постоянно совершенствующиеся функции гаджетов, которые, с одной стороны, облегчают жизнь, но с другой — заменяют ее на виртуальный суррогат. Эти тенденции находят свое осмысление и в массовой культуре, в

область которой отчасти уходит и современная философия. Ярчайшим примером может стать британский сериал-антиутопия «Черное зеркало», каждая серия которого выступает как отдельный короткометражный фильм. В нем показана антиутопическая картина недалекого будущего, к которому, по их мнению, идет наше постиндустриальное общество, столь увлеченное плодами технологического прогресса. Основной лейтмотив — зависимость человека от технологий и ее последствия.

Создатели сериала отразили в «Черном зеркале» (аллюзия на экран смартфона) ярчайшие моральные дилеммы, зачатки которых видны уже сегодня. Зависимость человека от рейтингов в социальных сетях; попытка оказаться замеченным и обрести популярность хотя бы на короткое время; моральные проблемы, возникающие в результате коммуникации человека и искусственного интеллекта; обретение бессмертия через посредство современных технологий и возникающая при этом проблема соотнесения личности человека с его телом или с электронным носителем, хранящем информацию о человеке и его воспоминания и способным «конституировать» эмоции; проблема лжи средств массовой информации и так далее.

Важнейший момент кроется не только в самих технологиях, но и в том, как мы их используем. Одно из неотъемлемых на сегодняшний день свойств сети Интернет — это анонимность, которая может породить различные моральные дилеммы. Широко распространенный в сети феномен «троллинга», то есть интернет-провокаций и агрессии, во многом базируется на анонимности и часто имеет своей целью «получение автором троллинга некоторой формы удовлетворения потребностей самореализации и признания: тролль становится центральным звеном, вызвавшим спор либо другой социальный конфликт». Так, узнав, что кто-то из знакомых является интернет-троллем, человек оказывается перед дилеммой — следовать общепринятым моральным установкам и каким-то образом воздействовать на тролля, либо встать на его сторону, не теряя дружбы, и «не замечать» таких его черт. На одной чаше весов оказывается общественная мораль и спокойствие обитателей какого-либо ресурса интернет-сообщества, на другой — непосредственно межличностные отношения с другим индивидом. Безусловно, это актуальнейший вопрос в формировании ценностей, самоопределении и становлении личности.

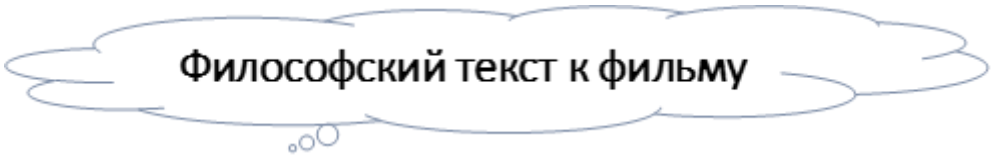
Несмотря на то, что правительствами контролируется интернет-активность граждан (в соответствии с законами стран, в частности, для обеспечения безопасности), тем не менее, существует возможность сохранять анонимность как для того, чтобы соблюдать неприкосновенность частной жизни, так и для того, чтобы пользоваться запрещенными сетевыми ресурсами, к примеру, заблокированными цензурой. Это становится возможным благодаря большому скрытому пласту Интернета, в котором можно практически все, что запрещено законом, поскольку он позволяет пользователям сохранять анонимность.

По сути, снова вопросы морального выбора, стоявшие перед человеком издавна, обретают новую форму благодаря развитию современных технологий. Государство в данном случае тоже оказывается в ситуации выбора, — соблюдать и уважать установленное законом право на неприкосновенность частной жизни граждан либо скрыто игнорировать его, объясняя тем же самым стремлением к обеспечению безопасности нации.

Еще один вопрос морального характера заключается в том, использовать ли манипуляции «во благо» людей и общества в целом, — например, для повышения уровня грамотности населения, ориентации людей в определенном «более правильном» направлении, — или же предоставить им свободу выбора, и должна ли она каким-либо образом контролироваться. Реклама, обращающаяся к подсознанию людей через визуальные образы, может стать хорошим средством для продвижения «правильного» набора ценностей. Но очевидно, что это не будет свободным, осознанным и искренним выбором людей, и в таком случае привитые ценности могут быть заменены новыми с помощью другой, более мощной манипуляции в будущем. А это, в свою очередь, может

превратиться в борьбу идеологий и учений, в состязание средств, инструментов и возможностей пропаганды, которые можно использовать для воздействия на людей.
Средства массовой информации также играют в настоящее время двоякую роль. Кроме обеспечения населения разнообразной информацией они подчас навязывают свою точку зрения, освещают события под определенным углом, который может отражать точку зрения определенных людей, «заказавших» данные материалы. На это указывает и Г. Маркузе, отмечая формирование образа одномерного человека: «Одномерное мышление систематически насаждается изготовителями политики и их наместниками в сфере массовой информации. Универсум их дискурса внедряется посредством самодвижущихся гипотез, которые, непрерывно и планомерно повторяясь, превращаются в гипнотически действующие формулы и предписания» [6. С. 19].
Для того чтобы понять, какова ситуация на самом деле, человеку потребуется потратить большое количество своего времени и ресурсов, собрать и проанализировать множество разнообразной постоянно обновляющейся информации, предлагаемой новостными компаниями различных стран, в том числе и независимых новостных компаний.
Кроме манипуляции политической развита сегодня и манипуляция на бытовом уровне. Интернет и социальные сети — это исключительный способ для производителей и рекламодателей напрямую контактировать с аудиторией. Реклама определенной продукции появляется на мониторе каждого компьютера в соответствии с недавними поисковыми запросами пользователя. Таким образом, увеличивается вероятность того, что он нажмет на ссылку и просмотрит предлагаемый товар либо услугу. Несмотря на то, что отдельно взятый пользователь может повысить репутацию какой-либо компании, или же наоборот, испортить ее, часто человек становится жертвой манипуляции сознанием в рекламе. Проблема заключается и в том, что «...поскольку скрытые технологии влияния достаточно сложно выявить и обозначить как непосредственно вводящие в обман или заблуждение, они не попадают под контроль российского законодательства».
Воздействуя на наше сознание невербально — через образы, обращаясь к той
нашей части мозга, что ответственна за удовольствия, за память об уже полученных удовольствиях и к нашей фантазии, — реклама привлекает потребителей. Она заставляет соблазниться и воспользоваться определенной услугой, купить тот или иной товар, потому что именно в этом случае, согласно посылам, содержащимся в рекламе, у человека появляется возможность стать счастливее. Создается впечатление, что это приближает к образам счастливых людей из рекламы, повышается вероятность стать чуть успешнее, чуть привлекательнее, чуть лучше выглядеть и чуть больше улыбаться. В этом достижении счастья помочь потребителям призван определенный товар или услуга.
Еще одна дилемма лежит в сфере экономики и связана с проблемой экономического отчуждения человека. На более поздних этапах развития капиталистического общества, где, казалось бы, во многом должен преодолеваться принудительный и подневольный характер труда, где труд начинает приобретать более свободный, творческий характер, где создаются условия для всестороннего развития личности, отчуждение продолжает существовать, выступая в своих новых видах и модификациях. Не случайно Э.В. Ильенков писал, что «„Отчуждение“ (“Entfremdung”) — это не локальная проблема какой-либо одной страны или ряда стран, которая перестает быть проблемой, как только мы пересечем государственную границу этих стран. Это — всемирно-историческая проблема, практически еще мировой историей не разрешенная». Аналогично тому, как любой кризис не существует только в отдельно взятой стране, так же и отчуждение не может быть преодолено в одном обществе и существовать в других. Возможно, оно будет не столь явным или будет выступать в иных модификациях, но само по себе будет являться одним из сигналов нездоровья общества. Только общество закрытого типа, полностью изолированное от внешнего мира (если таковое реально возможно в эпоху повсеместного развития Интернета), может оградить себя от определенных кризисов или видов

отчуждения. Но рано или поздно оно столкнется со своими собственными проблемами, возможно, иными по форме, но все теми же проблемами отчуждения по сути.

ФИЛЬМ «ДЕНЬ СУРКА»
Идея Ницше о вечном возвращении
Автор: **Эмрис Вестакотт**

Идея вечного возвращения или вечного возвращения существовала в различных формах с древности. Проще говоря, это теория о том, что существование повторяется в бесконечном цикле, когда энергия и материя трансформируются с течением времени. В Древней Греции стоики верили, что Вселенная проходит через повторяющиеся стадии трансформации, подобные тем, которые можно найти в "колесе времени" индуизма и буддизма.

Подобные представления о циклическом времени позже вышли из моды, особенно на Западе, с появлением христианства. Одним из заметных исключений является работа Фридриха Ницше (1844-1900), немецкого мыслителя 19-го века, известного своим нетрадиционным подходом к философии. Одна из самых известных идей Ницше - идея вечного возвращения, которая появляется в предпоследнем разделе его книги "Веселая наука".
Вечное возвращение

"Веселая наука" - одна из самых личных работ Ницше, собравшая не только его философские размышления, но и ряд стихотворений, афоризмов и песен. Идея вечного возвращения, которую Ницше представляет как своего рода мысленный эксперимент, появляется в афоризме 341 "Величайший вес".:
"Что, если бы однажды или ночью демон прокрался за вами в ваше самое одинокое одиночество и сказал вам: "Эта жизнь, как вы ее теперь живете и прожили, вам придется прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и в ней не будет ничего нового, но каждый день будет новым".боль, и каждая радость, и каждая мысль, и вздох, и все невыразимо малое или великое в вашей жизни должны вернуться к вам, все в той же последовательности и последовательности — даже этот паук и этот лунный свет между деревьями, и даже это мгновение и я сам. Вечные песочные часы бытия снова и снова переворачиваются вверх дном, и ты вместе с ними, пылинка!
"Разве вы не бросились бы на землю, не скрежетали бы зубами и не проклинали бы демона, который так говорил? Или вы когда-то пережили потрясающий момент, когда ответили бы ему: "Ты бог, и никогда я не слышал ничего более божественного". Если бы эта мысль овладела вами, она изменила бы вас такими, какие вы есть, или, возможно, раздавила бы вас. Вопрос в каждой вещи: "Желаете ли вы этого еще раз и в бесчисленное количество раз больше?" лежал бы на ваших действиях как самый большой вес. Или насколько хорошо вы должны были бы стать к себе и к жизни?"

Ницше сообщил, что эта мысль внезапно пришла к нему однажды в августе 1881 года, когда он гулял вдоль озера в Швейцарии. Представив эту идею в конце "Веселой науки", он сделал ее одной из фундаментальных концепций своей следующей работы "Так говорил Заратустра". Заратустра, подобная пророку фигура, которая провозглашает учение

Ницше в этом томе, сначала неохотно формулирует эту идею даже самому себе. В конце концов, однако, он провозглашает, что вечное возвращение - это радостная истина, которую должен принять каждый, кто живет полной жизнью.

Как ни странно, вечное возвращение не занимает слишком заметного места ни в одной из работ, опубликованных Ницше после того, как так говорил Заратустра. Однако в "Воле к власти", сборнике заметок, опубликованном сестрой Ницше Элизабет в 1901 году, есть раздел, посвященный этой идее. В этом отрывке Ницше, похоже, серьезно рассматривает возможность того, что доктрина буквально верна. Примечательно, однако, что философ никогда не настаивает на буквальной истинности этой идеи ни в одном из своих других опубликованных трудов. Скорее, он представляет вечное возвращение как своего рода мысленный эксперимент, проверку своего отношения к жизни.
Философия Ницше

Философия Ницше связана с вопросами свободы, действия и воли. Представляя идею вечного возвращения, он просит нас не принимать эту идею за истину, а спросить себя, что бы мы делали, если бы эта идея была истинной. Он предполагает, что нашей первой реакцией будет полное отчаяние: человеческое состояние трагично; жизнь содержит много страданий; мысль о том, что человек должен пережить все это бесконечное количество раз, кажется ужасной.

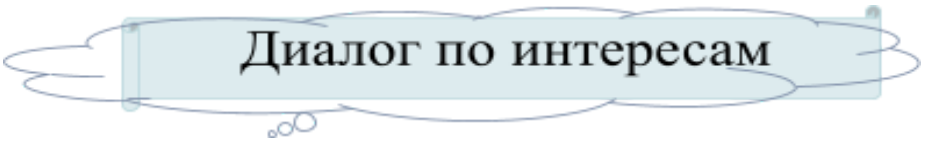
Но затем он представляет себе другую реакцию. Предположим, мы могли бы приветствовать новость, принять ее как нечто, чего мы желаем? Это, говорит Ницше, было бы окончательным выражением жизнеутверждающего отношения: хотеть этой жизни со всей ее болью, скукой и разочарованием снова и снова. Эта мысль связана с доминирующей темой книги IV “Веселой науки”, которая заключается в важности быть "да-говорящим", жизнеутверждающим и принимать amor fati (любовь к своей судьбе).

Именно так эта идея представлена в “Так говорил Заратустра”. Способность Заратустры принять вечное возвращение является окончательным выражением его любви к жизни и его желания оставаться "верным земле". Возможно, это был бы ответ "Übermnesch" или "Сверхчеловека", которого Заратустра предвосхищает как высший вид человеческого существа. Здесь контраст с такими религиями, как христианство, которые рассматривают этот мир как низший, эту жизнь как простую подготовку к лучшей жизни в раю. Таким образом, вечное возвращение предлагает понятие бессмертия, противоположное тому, которое предлагает христианство.

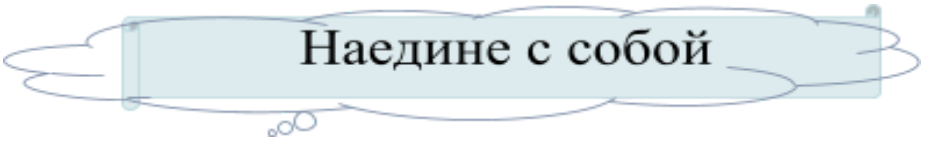
ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Разработай презентацию по фильму. Она должна включать:

- выдержки из анализа;
- кадры из фильма;
- яркие цитаты и диалоги;
- разработанный вами постер к фильму;
- объяснение зрителям для чего стоит смотреть этот фильм;
- сравнительную характеристику фильма и философского текста;
- описание вашего личного отношения к данному фильму;
- ваш видеообзор фильма (по желанию).

Обменяйтесь своими мнениями о фильме с одногрупниками или друзьями. Попроси посмотреть анализируемый тобой фильм своим знакомым и друзьям. В ответ на это задание прикрепи скриншоты вашей беседы. Составь примерный перечень вопросов, который бы ты хотел спросить по фильму.

Ты выполнил(а) большую работу. Расскажи, как тебе представленные задания. Что хотел(а) поменять или скорректировать? Как ты считаешь, что можно внести еще интересного в работу по кинофилософии? Какие на твой взгляд мы могли бы включить фильмы для анализа в следующем году?

ПОИГРАЕМ?

Игра «Угадай фильм!». Пройди по ссылке и отгадай, какие фильмы мы для тебя загадали.

Ссылка: https://view.genial.ly/629dacd1b9456b0011f46d37/interactive-content-whats-behind

Тест «Какой персонаж фильма?». Психологический тест.

Ссылка: https://onlinetestpad.com/w3c3tmksh4p4g

Цифровой вариант рабочей тетради.

Ссылка:
https://docs.google.com/document/d/1JSZzeVkfHYetMN6F-7yKDCpqVBuuggWT/edit?usp=sharing&ouid=108294857039172175520&rtpof=true&sd=true